

ЭГМУНД КРАФТ

ТИМУР МАШУКОВ

ХЕЙТЕР ИЗ РОДА
СТУЖЕВЫХ

Зигмунд Крафт
Тимур Машуков
Хейтер из рода Стужевых – 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73145888

SelfPub; 2026

Аннотация

Академия – война за пост ректора продолжается. Друзья становятся врагами, а враги... считают тебя пешкой в своей игре. Вот только они забыли, что пешка, дойдя до конца поля, может стать ферзём и неприятно удивить того, кто ей играет. И до этого осталось сделать всего один шаг...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5	62
Глава 6	75
Глава 7	89
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Зигмунд Крафт, Тимур Машуков Хейтер из рода Стужевых – 3

Глава 1

Отвратительный хруст оглушил меня сильнее любого взрыва. Этот звук шел изнутри, его издало мое собственное тело. При этом боли я не ощутил, так как дар продолжал действовать, но само осознание случившегося повергло в шок.

Я сделал шаг назад, хватаясь за левую руку. Вместо боли ощутил странное давление, а вот ладонь ясно давала понять, что внутри искривление. По крайней мере, перелом закрытый, что было, пожалуй, единственным плюсом в этой ситуации.

От шока и неожиданности я стиснул зубы и напрягся, так как заранее отложенная энергия стала гораздо быстрее улетучиваться, и было понятно – когда она закончится, я почувствую всю «прелесть» своего состояния.

Я стоял, тяжело дыша, держась здоровой рукой за сломанную. Валентин не добивал. Он просто смотрел на меня хо-

лодным, полным злорадства взглядом, с мерзкой ухмылкой, которую так хотелось стереть с его лица как можно быстрее! А заодно превратить его рожу в кровавое месиво.

То, что левой рукой лучше не шевелить, я понимал. Слишком высок риск усугубить травму, и тогда потребуется дополнительная операция перед применением зелий.

К нам уже бежали лекари, и я осознавал, что это конец. Но мириться с этим не собирался.

– Техническое поражение, Стужев, – презрительно хмыкнул Валентин. После чего развернулся и направился в сторону своей комнаты дуэлянта.

– Стой! Я ещё не сдался! Бой не закончен!

Он остановился и обернулся, удивлённо и в то же время с жалостью глядя на меня. К тому моменту лекари, двое парней, уже добрались до нас и начали осмотр. Мы же с Рожинным не прекращали сверлить друг друга взглядами.

– Вы не можете продолжать бой, – покачал головой один из лекарей, и мои глаза метнулись к нему.

– Могу, – мой голос звучал уверенно. – Просто зафиксируйте, и мы продолжим.

– Нет, – жёстко сказал другой и подал сигнал рукой.

Сразу же после этого победителем объявили Валентина. От гнева перед глазами всё поплыло, окружающее померкло. Когда пришёл в себя, меня уже держали страхующие преподаватели.

– Крови не было! Я не терял сознание и не сдавался!

– Это не имеет значения, – с пренебрежением сказал один из преподавов.

Валентин всё ещё стоял, ухмыляясь. Торжество победы на его лице бесило меня, отчего энергия утекала сквозь пальцы, и я уже начинал ощущать ноющую, пока ещё терпимую, боль в левой руке.

– Я хочу сделать заявление, – сказал он, обращаясь к преподаву.

Тот отпустил меня и подошёл к Рожинову. Второй продолжал держать мою руку и тихо предупредил, чтобы я не глумил.

Валентину передали маленький микрофон. Он поблагодарил учителя и начал свою речь:

– Уважаемые зрители! Вы все наверняка знаете главную причину дуэли – это девушка!

Его взгляд устремился вперёд, мне за спину, в сторону моей комнаты дуэлянтов. Там за панорамным стеклом наверняка стояла и та, о ком сейчас говорили. Но оборачиваться я не стал.

– Я понял кое-что важное и принял решение. Анна Теплицкая недостойна быть моей невестой, недостойна чести вступить в род Рожиновых. Я официальнорываю помолвку. Ты свободна, Анна. Клянусь не чинить препятствий тому, кто захочет связать с тобой судьбу. Спасибо за внимание.

Он вернул микрофон преподавателю и ушёл. Второй перестал меня держать, так как я твердо стоял на ногах, не вы-

казывая внешне, какой испытывал шок.

Что это сейчас было? Столько возни вокруг этой девки, и он вот так просто отказывается от нее? К чему тогда был весь этот фарс?

От этих мыслей меня отвлек приступ боли, уже более сильной. Я зашипел сквозь зубы и позволил лекарям увести себя через отдельный вход. Мне сделали укол прямо через одежду, и вскоре боль отступила. Уже в лазарете я поинтересовался, не лучше ли было бы напоить меня исцеляющим зельем, но за это загнули цену, которую я был не готов выкладывать. Учитывая, что в комнате стояли несколько бутылочек, лишь немного потерпеть. Я ведь до сих пор был без понятия о реальной стоимости этих волшебных микстур!

В общем, меня отпустили, предварительно перевязав, для чего пришлось раздеться. На мои татуировки, столь тщательно скрываемые ранее, покосились с заметной брезгливостью. Уходя, я прикусил губу, понимая, что скоро это станет достоянием общественности.

За то время, что провёл в лазарете, я смог хорошо подумать, вспоминая нюансы боя. Валентин знал все мои движения, читал, как открытую книгу. Такое ощущение, будто... Будто он изучал записи всех дуэлей. Либо присутствовал на каждой. Но почему я его не видел? Хотя, разве хоть когда-либо я присматривался к толпе зрителей?

Мне казалось, что я самый умный и сильный. Ведь прогресс, которого я достиг за неполные четыре месяца в этом

мире, просто колоссален. Изначальный Алексей, даже после инициации, был полным слабаком. Я же...

Почему я тогда проиграл? Что сделал не так? Почему Валентин оказался сильнее и умнее? Он ведь всё предусмотрел, он был уверен в своих силах. Я... поспешил? Слишком рано попёр на главного ключевого антагониста? Но ведь до этого всё шло как по маслу...

Почти всё. Неудачный гарем не в счёт, потому что в силе я реально прогрессирует семимильными шагами. Как и полагается герою боярки.

В какой дурной роман я попал? Почему всё обернулось именно так? Где я? Аниме? Фильм? Книга? Ну, уж точно не реальный мир. Какое-то произведение. И все эти люди... Они ненастоящие. Они не могут быть настоящими.

И всё же, почему всё так обернулось?

Меня терзали сомнения. Я ощущал холод улицы, вечерний ветерок. Шелест одежды, шарканье ботинок об асфальт дорожки. Тактильные ощущения пальцев на пальто. Запахи...

Всё так реально. Я ведь сразу это ощутил, будто полное погружение. Но признаться, что этот мир реален... Это слишком.

Случайно встреченные студенты меня сторонились. Поначалу я не обращал на них внимания, а потом увидел на их лицах страх, презрение, брезгливость. Никто не хотел связываться со мной, подходить с расспросами.

Ещё в лазарете лекари предупредили, что моя последняя запланированная дуэль будет перенесена на две недели. Это минимум, даже с учётом, если выпью то самое волшебное зелье, которое исцеляет. Ведь оно, при всей своей чудодейственной силе, не даёт прежней плотности тканей, а особенно костей. Нужно время на полное восстановление.

Вскоре я вернулся в комнату и всё-таки принял зелье, Вася молчал. Он старался не смотреть на меня, но всё же не выдержал:

– Как ты?

– Живой, вроде.

– Анна... Она...

– Мне плевать.

– Валентин её опозорил, – всё равно продолжал говорить Вася. – Она уехала.

– Сказал же, мне плевать, – мой голос прозвучал по-злому.

– Тебе... Ты хочешь тишины?

– Да, будь добр.

Я прикрыл глаза, да так и не заметил, как вырубился.

* * *

Я стоял, облокотившись о подоконник. Смотрел на академический двор, но не видел ни деревьев, ни студентов. Перед глазами снова и снова прокручивался тот момент – молние-

носное движение, сухой хруст и ледяной, надменный взгляд Валентина. Горечь от поражения и осознания собственной глупости жгла изнутри. Собственно, потому я стоял именно здесь, а не дожидался звонка в аудитории за столом.

– Алексей?

Тихий, неуверенный голос рядом заставил меня непроизвольно вздрогнуть. Я обернулся – за спиной оказалась Цветаева. Одной рукой она нервно сжимала-разжимала ручку сумочки, а вторая пряталась в складках юбки. На её лице было написано искреннее, неподдельное сочувствие. Ксюша-Ксюша, к ней невозможно было относиться серьёзно, как и называть Ксений. Вот Земская – Ксения. А эта девочка, пусть и баронесса, просто Ксюша. Настолько она ветрена и проста.

– Я... Мне... – она начала, запинаясь. – Мне очень жаль. Это ужасно.

Я молча кивнул, не зная, что сказать. Благодарить за жалость не хотелось.

– Но ты не расстраивайся! – она сделала шаг ближе, и в её глазах загорелся какой-то наивный, но горячий огонёк. – Ты обязательно станешь ещё сильнее! Ты дашь ему реванш! Он... Он всегда был таким. Жестоким. Это не только из-за тебя.

Последнее слово девушка прошептала, озираясь по сторонам, будто боясь, что её услышат.

– Когда он пришёл на первый курс, – продолжила она, по-

низив голос до конспиративного шёпота, – то сразу начал всех подминать под себя. Кто сопротивлялся... Тем он ломал руку. Обязательно левую. Говорил, чтобы не уходили на больничный, могли писать конспекты. Все его боялись. Я это от Тани слышала...

Мой взгляд сам собой потянулся к левой руке. Разумеется, гипса не было, ведь я принял зелье вчера вечером, а утром снял его.

В смысле, он всем ломал левую руку? То есть, это его стандартный приём? Почему я слышу об этом в первый раз?!

Цветаева, не замечая моего потрясения, продолжала, торопливо выкладывая то, что знала:

– Только один граф смог от него откупиться, и его Рожинов не трогал. И... И тот самый Разрядов, который тебе проиграл. Он ведь его друг сейчас. А на первом курсе Валентин и ему руку сломал. Потом, видимо, подружились.

Внутри у меня всё оборвалось и похолодело. Татьяна. Она знала, на что способен её брат. Она знала его почерк, предпочтения, приёмы. И ничего не сказала. Ни единого предупреждения, ни намёка. Она ведь, по сути, просто наблюдала, как я иду на заклятие.

– Спасибо, Ксюша, – мои слова прозвучали хрипло и неестественно ровно. – Спасибо, что рассказала. Мне нужно... Мне нужно побыть одному.

Она на мгновение опешила, потом кивнула, её лицо вытянулось от лёгкого разочарования, что её утешения не при-

няли.

– Конечно... Конечно, Алексей. Если что, я всегда рядом.

Она неуверенно потопталась на месте и, наконец, ушла, оставив меня наедине с пустотой в груди.

Я снова уставился в окно, но теперь не видел даже своего отражения. В голове крутилась только одна мысль, жуткая и неотвратимая. Между Рожиновыми нет вражды. Всё это – лишь спектакль. Они работают вместе. Татьяна никогда не была на моей стороне, как я наивно полагал всё это время.

Либо она достала для него записи моих дуэлей, либо, наоборот, он ей помогал с этим. Она рассказала ему обо всех моих приёмах, о моей скорости, о моих слабостях. Хоть я и занимался по своей программе, все студенты потока находились в одном зале.

А он... Он не просто готовился. Он изучал меня, как хирург изучает анатомический атлас, чтобы сделать один точный, калечащий разрез. Он не просто выиграл. Он продемонстрировал мне своё полное превосходство и показал, что я – никто. Наивный легковерный дурак.

Горечь подступала к горлу, горькая и едкая. Я поверил ей, в её мнимую дружбу, в её поддержку. Я был слепым идиотом, не видел ничего дальше своего носа.

Ладони произвольно сжались в кулаки. Захотелось её ударить. Хотя бы пощёчину. И плевать, что девушка. Такие мрази...

Но... Её статус ведь никуда не делся. Она графиня Рожи-

нова. И как бы мне ни хотелось порвать с ней любые отношения, она мне нужна. Татьяна по-прежнему ценный источник информации. Любой, что не касается её брата, разумеется. Да и её влияние...

Чёрт! Что мне делать? Я не могу выступить открыто против этого дуэта! Пока не могу, потому что Валентин сильнее, это бессмысленно отрицать. Держи друзей близко, а врагов ещё ближе. Мне нужно быть внимательнее.

Но потом я вспомнил о Васе. О его верности, благодаря которой он был готов бросить вызов кому угодно. О Ксении, которая, не колеблясь, встала бы на мою сторону. Они не предадут. Они – настоящие. Так ведь?

Но будет ли мне их достаточно? Да, Земская – графиня, и даже больше – княжна. Но сейчас она сама в опале у родственников, как и я. И должна доказывать свою значимость родне, а не ввязываться в защиту какого-то баронишки, пусть и друга. Да и надеяться на неё не по-мужски.

Я должен стать умнее и хитрее. Татьяне всё ещё что-то от меня нужно, раз она добавила в чат бастарда Снежнова. Она будет идти мне навстречу, и пока стоит этим пользоваться. Но быть начеку. Не знаю, в какие игры играют Рожиновы, но я точно не буду их пешкой. Больше не буду.

* * *

Интерлюдия

Ксения шла по коридору в сопровождении двух девушек. Её одноклассницы всегда следовали за ней, словно тени. Они были главными источниками слухов, а за это она позволяла им называться своими подругами. Даже ничего не делая, одним только статусом Земская могла приструнить многих. Просто взглядом. И эти баронессы хотели от неё, по сути, защиты. Пользовались престижем её титула.

Тайной княжне было неприятна такая дружба, но она мало что могла поделать. Ксения давно поняла: избежать тех, кто всеми силами хочет примазаться к её влиянию и возможностям, не получится. И это они ведь ещё не знают, что она княжна! Но и сейчас, как единственная графиня в их группе, Земская была центром притяжения.

Собственно, как и граф Воротов. Типичный заучка, не приспособленный к бою. Он прямо всем говорил, что пойдёт на факультет управления как основной. У их рода очень много предприятий, и он обязан понимать все бизнес-процессы.

Воротов тоже пытался «подружиться» с Земской, но она быстро дала понять, что не заинтересована в общении. Благо, он оказался понятливым. А сейчас у неё есть друзья, кто действительно достоин этой чести. Остальных парней она давно уже отшила.

Алексей и Василий не были единственными, кто стремился к силе на их потоке, но только в них она не видела высокомерия. Впервые в жизни Ксения встретила таких простых

ребят, рядом с которыми можно быть собой.

Сейчас она переживала за Алексея. После поражения в дуэли с Рожиновым он был сам не свой. И раньше не отличавшийся особой болтливостью, в эти дни словно воды в рот набрал. Он ведь не сломается из-за этого поражения? Так ведь? Но как ей поддержать его? Ксения ведь не представляла, как строить нормальные дружеские отношения, а не деловые с зависимыми людьми, чему её учили с детства.

От тягостных размышлений её отвлекла высокая, невозмутимая фигура, преградившая путь. Даже болтавшие что-то рядом подружки смолкли.

– Ксения Васильевна, – Валентин Рожинов склонил голову в изящном, почти официальном поклоне, приветствуя ее как равную. – Какая удача встретить тебя. Ты затмеваешь своим сиянием всё вокруг.

Подружки Земской восторженно вздохнули, но она сама лишь подняла бровь, её лицо выражало вежливое недоумение. Сколько таких «подкатов» было в её жизни? Не счесть.

– Рожинов. Пропусти, пожалуйста, я спешу.

– Позволь украсть лишь минуту твоего драгоценного времени, – он не сдвинулся с места, его улыбка была обаятельной и настойчивой. – Я как раз собирался в то новое кафе на Большой Астраханской. Говорят, там подают изумительный шоколадный фондан. Не окажешь ли честь, составив мне компанию?

Ксения вновь одарила его холодным пренебрежительным

взглядом.

– Нет. Спасибо за предложение, но я не заинтересована в подобном времяпрепровождении, – она сделала шаг в сторону, чтобы обойти его, гордо подняв подбородок.

– Подожди, – голос Валентина потеплел, в нём появились нотки искренности и даже отчаяния. – Пожалуйста. Я знаю, что ты считаешь меня врагом. Врагом Алексея. Но это не так. Поверь, я сам оказался обманут. Той, которую, как мне казалось, я любил.

Ксения замедлила шаг, насторожившись. О чём он вообще?

– Анна, – продолжил Валентин, делая скорбное лицо. – Она играла с моим сердцем, как кошка с мышкой. И я, ослеплённый чувствами, видел врага в Стужеве. Но теперь я понял. Он – такая же жертва её ветрености, как и я. Она играла нами обоими.

Он внимательно посмотрел на Ксению, изучая её реакцию.

– Ты... ты ведь не такая, правда? Ты не из тех, кто разбрасывается сердцами? Скажи, ты и Алексей... Вы встречаетесь? Если да, то я всё пойму и отступлю. Мне нужно просто знать правду.

Ксения смутилась. Щёки её покрыл лёгкий румянец. Она потупила взгляд, начав перебирать ремешок сумки.

– Нет. Мы... Мы просто друзья.

Лицо Валентина озарила искренняя, казалось бы, радость.

– Правда? Это прекрасная новость! – он выдохнул с облегчением. – Тогда, может, ты пересмотришь свой ответ на моё приглашение? Хотя бы как друзья? Или... Или, может, потренируемся вместе однажды? Я видел, как ты сражаешься. Ты потрясающая. Но и я мог бы помочь – и в фехтовании, и в рукопашном бою. Я... Без ложной скромности, лучший на своём потоке. Мне есть, что показать. В обмен лишь прощу... выслушать.

Он сделал паузу, давая ей прочувствовать его «искренность».

– То, что произошло с Алексеем... Это был не триумф. Это был урок. Урок, который я дал, будучи ослеплённым ревностью. Но теперь я вижу, что он тоже ослеплён. И он отошёл от Анны, что уже делает его мудрее меня. Я не хочу вражды, Ксения. Я хочу... понимания. Позволь мне объясниться.

Валентин отступил на шаг, давая ей пространство, его взгляд был тёплым и открытым.

– Подумай над моим предложением. Не сердись на меня. И... Дай ответ позже. Я не буду давить.

Не дожидаясь возражений, он снова изящно кивнул и удалился, оставив Ксению стоять в коридоре в лёгком ошеломлении. Её подруги тут же о чём-то зашушукались, но она не слышала их.

В её голове, вопреки всей её уверенности в Алексее и недоверию к Рожинову, появилось крошечное ядовитое зёрно.

нышко сомнения. А что, если он и правда был обманут? Что, если он не монстр, а просто... ошибался? Его слова о тренировке звучали заманчиво. А его признание в слабости... Оно было неожиданно обезоруживающим. Ведь эта Анна... Ксения не могла не заметить, что между ней и Алексеем произошло что-то неприятное. Возможно ли, что эта красавица-блондинка...

Она покачала головой, пытаясь отогнать эти мысли, и пошла дальше, но лёгкая тень задумчивости уже затуманила её ясный, уверенный взгляд.

Игра Валентина была тонкой, и первый ход он сделал мастерски.

Глава 2

На выходных я опять ездил в Козлов. Завтрак после утренней тренировки проходил в молчании.

Холодов знал о моей дуэли и проигрыше, но пока тему не поднимал. Я же предчувствовал, что однажды это случится. Лучше бы он продолжал молчать.

– Рука как? – наконец, спросил он, его голос был низким и тихим, осторожным. – Последствий не чувствуешь?

– Так я её и не нагружал, чтобы что-то ощутить, – пожал я плечами, не смотря на него.

Сразу стало понятно, момент настал, хоть мне и не хотелось этого разговора.

– Алексей... – он тяжело вздохнул. – То, что случилось... Это не поражение. Это опыт.

Начинается.

Захотелось отложить вилку, так как аппетит моментально пропал. Но я сдержался.

– Опыт? – хмыкнул я, всё так же не глядя на него и продолжая ковырять свой омлет в тарелке. – Опыт – это когда узнаёшь что-то новое. А я узнал, что я слаб. Что все мои тренировки, вся эта беготня, все дуэли... Всё это ничего не стоит против какого-то зазнавшегося графа!

Всё же не выдержал и повысил голос. А так же посмотрел на старика.

Холодов не моргнул глазом, выдерживая мой гневный взгляд.

– Валентин Рожинов владеет своим даром больше двух лет, – резонно заметил он. – Он тренируется с лучшими учителями фехтования и кулачного боя с шести лет. Каждый день. Без выходных. Ты же... Всего три месяца, как ты встал на этот путь. Три месяца против всей его жизни.

– И что? – уже взяв себя в руки, холодно сказал я. – Это должно меня утешить, по-вашему? Что я проиграл не потому, что я слабак, а потому, что он старше? Великолепное утешение, Аркадий Петрович. Просто замечательное.

– Это должно не утешить, а заставить думать! – в голосе Холодова впервые прорвалась сталь. – Ты за три месяца достиг того, на что у других уходят годы! Ты победил трехкурсника Разрядова, ты держишься наравне с лучшими фехтовальщиками своего курса! А по кулачному бою вообще вне конкуренции! Проиграть Рожинову – не позор. Это закономерность. Ты встретил противника, который сильнее, опытнее и готовил себя к этому всю жизнь. И ты выстоял. До последнего.

«До последнего»... До того самого хруста. До унижения. Несправедливого и беспощадного. Необъяснимого.

– Я не выстоял. Я сломался, – опустив глаза, я вернулся к своему омлету. Мои слова прозвучали тихо и устало. – Он меня сломал. И всё, что вы говорите, не меняет этого.

Я ждал, что он будет спорить, уговаривать, читать очеред-

ную лекцию о силе духа. Но Холодов просто помолчал ещё мгновение, а затем тяжело вздохнул.

– Хорошо, – сказал он просто. – Переживи это. Сам.

На этом всё закончилось. Я пихал в рот куски омлета, механически жевал. Было вкусно, но уже ничего не хотелось. Даже малинового пирога.

Холодов больше не произнес ни слова. Между нами стояла густая, почти осязаемая стена молчания. Он ел медленно и методично, его взгляд был устремлён куда-то в пространство поверх моей головы.

Он не пытался втолковывать мне прописные истины о пользе поражений и ценности опыта. Не стал утешать, переубеждать. Он понял, что сейчас любые слова – как соль на рану.

Наконец, наставник ушёл, и я выдохнул, стало ощутимо легче. И одиноко. Один против всего этого глупого мира.

* * *

Я спускался по лестнице с дорожной сумкой через плечо, мысленно готовясь к предстоящей непростой учебной неделе. Уехал я до того, как слухи о татуировках успели набрать популярность и сподвигнуть кого-то на необдуманные поступки.

Хотя, оно же мне лучше – выпустить пар на идиотах. Существовала вероятность, в ближайшие дни кто-то вызовет

меня на дуэль, либо я сам это сделаю. Нужно кого-то избить, душа аж требует. Но в бойцовский клуб я не ходил – травма есть травма. Нет смысла выкладываться по полной, пока кости не срастутся как следует.

Внизу в холле меня дождался Холодов. Его взгляд был тяжёлым, губы поджаты. Опять решил о чём-то неприятном поговорить? А я уж понадеялся, что тема закрыта.

– Что? – мой голос не скрывал недовольства.

– В академии поползли слухи про твои татуировки, – перешёл он к сути и достал из-за спины, где держал руки скрещенными, баночку. – Держи.

Неприятные мурашки побежали по спине. Откуда он узнал? Хотя... Стоило бы догадаться.

– Что это? – я не спешил брать «подарок».

– Специальный крем. Он скроет татуировки, но имей в виду – его действие нейтрализуется водой. Чем та чище, тем быстрее эффект. То есть, пот тоже разъедает, но медленнее, из-за соли.

В принципе, полезная вещь, пригодится. Так что баночку я забрал и, бросив сумку на пуфик у выхода, вжикнул молнией, чтобы закинуть внутрь.

– Щербнев позвонил, так ведь? – сказал между делом, как факт.

Старик не спешил отвечать. Закончив, я повернулся к нему с немым вопросом на лице.

Видя, что я действительно ожидаю ответа, он вздохнул и

кивнул.

– Передай, что ему платят не за это. Чтобы меньше лез не в своё дело.

Лицо Холодова вытянулось, выражая искреннее недоумение.

– Платят? – он слегка качнул головой из стороны в сторону. – Я лишь единожды попытался отблагодарить его за... определённую помощь с его стороны. Ты понимаешь. Но барон Щебнев денег не взял. Конечно, он работает на фракцию Озёрского, но всё же действует... в том числе... согласно своим собственным интересам. Каким – мне неизвестно.

Его слова повисли в воздухе, будто густое, невидимое облако. Я-то полагал, что тот хитрый жук питается со всех сторон, откуда может. От нас, от Озёрского... Но если это не так... Неужели есть третья сторона? Но кто? Чьи же тогда он преследует интересы? Мои? Сомнительно.

Кивнув старику на прощание, я вышел на улицу, к уже ожидавшему такси. Сев на прохладное сиденье, уставился в окно, но не видел мелькающих зданий.

Щебнев... На чьей же ты стороне? Чего добиваешься? Его помощь для меня более чем существенная, потому я логично предполагал, что он тянет деньги из Холодова. Но если это не так – ну не альтруист же он, в самом деле? Он ведь рискует!

Когда все пытались оградить меня от взаимодействия с Земской на тренировках, он позволял заниматься с ней в выделенном помещении. Пока ректор всё ещё граф Молниев-

ский, никто не рисковал открыто выступить против. Даже в случае с Ксенией – не было прямого приказа присматривать за ней, но все знали, что она поступила через его канал. Поэтому общие «оберегательные» мероприятия для неё решили выкрутить на максимум. Да и сам Щербнев просил с ней не связываться.

Разумеется, вряд ли кто-то, помимо самого Молниевского, знал о происхождении Земской. Остальные лишь перестраховывались.

* * *

Интерлюдия

В академической столовой стоял привычный гомон вперемишку со звоном посуды. За одним из столов, уставленным тарелками с едой, разместилась разношёрстная компания: Ксении Земская и Цветаева, Татьяна Рожинова, Виктория Мясоедова и Василий Снежнов. Между двумя графинями разместился задумчивый Алексей Стужев. Пока его друзья беседовали о насущных делах, сам парень был увлечён содержимым тарелки.

– Ну, тест по первостихиям был несложным, – с лёгкой снисходительностью в голосе произнесла Татьяна, поправляя рукава своего пиджака. – Думаю, справилась.

– Я тоже уверена, что у меня высший балл, – тут же подхватила Виктория.

– Да уж, у Алексея-то и подавно будет «отлично», – флегматично заметил Василий, ковыряя вилкой в картофельном пюре. – Он умудряется хорошо запоминать материал.

– Несомненно, он же у нас гений-самородок, – кивнула Цветаева.

Её восхищенный взгляд скользнул по сидевшему напротив Алексею, но тот словно ничего не услышал. Остальные же сделали вид, что девушка ничего необычного не сказала. Её симпатию заметили уже многие, разве что кроме самого объекта.

Но из-за затянувшейся тишины все невольно перевели взгляд на Алексея. Тот сидел, отрешённо уставившись в тарелку с пюре и котлетой. Он механически подносил вилку ко рту, но, казалось, он не видел ни еды, ни окружающих. Его обычно острый, насмешливый взгляд был потухшим и устремлённым куда-то внутрь себя. Парень будто выпал из реальности, погружённый в собственные мысли.

Неловкое молчание нарушила Виктория, стараясь вернуть лёгкость беседе:

– А кто какую тему для реферата по политологии выбрал? Я беру «Эволюцию системы магического права».

– Я ещё не решила, – отозвалась Цветаева, смущенно покраснев от той фразы, что озвучила ранее.

– Ненавижу эту политологию, – хмуро пробурчал Василий, отодвигая пустую тарелку. – Сплошные зубодробительные термины и интриги. Другое дело – физкультура! Бой –

он простой и честный.

Татьяна лишь закатила глаза, но промолчала. Она изящно коснулась рта салфеткой и так же отодвинула тарелку, приступив к чаю. Девушка не собиралась вступать в спор с каким-то отребьем, которому лишь по случайному стечению обстоятельств удалось попасть в её компанию.

Снежнов, может, и не являлся гением, но невербальные сигналы считывать умел. Он давно заметил пренебрежение к своей персоне от графини Рожиновой, но старался игнорировать этот факт и никогда не вступать с ней в прямой диалог. В конечном итоге он в этой компании из-за Стужева и Земской – они его настоящие друзья.

– Согласна, – поддержала Василия графиня Ксения. – На арене всё ясно. Или победил, или проиграл.

Она снова посмотрела на Стужева, пытаясь поймать его взгляд.

– Кстати, насчёт боя... Алексей, пойдём сегодня вечером заниматься?

Вопрос повис в воздухе. Парень продолжал молча есть свою котлету, не подавая признаков, что услышал её.

Девушка нахмурилась и легонько толкнула его локтем в плечо.

– Эй, Стужев! Ау! Ты нас слышишь?

Алексей вздрогнул и медленно поднял на неё глаза. Взгляд был непонимающим, будто он только что подошёл к столу и сел.

– Что? А... тренировка. Конечно, пойдём, – он отложил вилку и провёл рукой по лицу, пытаясь стряхнуть оцепенение. – Сегодня, завтра... Каждый день. Без перерывов.

Его голос прозвучал ровно, но без обычной энергии, почти автоматически. Ни намёка на усмешку или подколку, как было ему свойственно. Он снова умолк, уставившись в пространство перед собой.

Друзья за столом переглянулись. В их взглядах читалась тревога и беспокойство. Они явно пытались втянуть его в разговор, вернуть прежнего колкого и уверенного Алексея, но давить не решались, чтобы не усугублять его состояние. Присутствовало молчаливое соглашение дать ему время, но при этом быть рядом. Беседа возобновилась, будто ничего необычного не происходило. Вот только все понимали, что нужно что-то делать. Но что?

Никто не ожидал, что проигрыш в дуэли так скажется на Стужеве. Земская косилась на него, поджав губы. Она была зла на парня, так как таким он ей совершенно не нравился. Где тот целеустремлённый парень, рядом с которым она нагло села когда-то, чтобы обратить на себя внимание? Где его азарт и огонь в глазах? Но, как и другие, она не понимала, как поступить в такой ситуации.

* * *

Интерлюдия

В маленьком зале, больше похожем на кладовую, распространялся ритмичный стук по груше. Ксения Земская, собрав русые волосы в тугий хвост, методично отработывала серии ударов, её движения были отточенными и яростными.

Алексей, которого она сменила у снаряда, молча отошёл к центру комнаты и кивнул Василию. Тот, с готовностью подняв забинтованные руки, принял боевую стойку. Начался спарринг.

Василий хмурился, отмечая механические движения друга. Тот работал на автомате: блоки ставил, удары наносил, но в них не было привычной огненной ярости, той бешеной скорости, что заставляла трепетать противников. Пропали обманные манёвры. Его удары были вялыми, будто он бил сквозь вату.

Поначалу Вася старался подстраиваться, думая, что друг просто разминается, ослабляет бдительность перед мощной атакой. Но когда тот пропустил очевидный прямой удар и даже не попытался контратаковать, терпение Снежнова лопнуло. Он сам ускорился, провёл резкую серию: обманное движение, проход в ноги, короткий удар снизу вверх в корпус. Алексей лишь грубо заблокировал последний удар, даже не попытавшись парировать.

– Как тебе? – выдохнул Вася, отскакивая. – Здорово получилось!

– Ага, – безразлично проговорил Алексей, опуская руки. – Ты стал быстрее.

Это стало последней каплей.

– Да прекрати ты поддаваться! – взорвался Василий, его лицо покраснело от возмущения. – Что это вообще такое? Ты что, несерьёзно ко мне относишься? Считаешь меня слабым?

Алексей поморщился, будто от надоедливости шума.

– Не носи чушь, Вася. Я же сказал – ты стал сильнее. В чём проблема-то?

– Проблема в том, что ты себя не видишь! – Снежнов резко сократил дистанцию, сжав кулаки. – Ты будто тень самого себя! Это из-за того проигрыша? Из-за Рожинова? Так это же всего один бой! А сколько их до этого было? Ты всех рвал! И что, теперь так просто сдашься? Сломаешься?

Не выдержав, он схватил Алексея за плечи и слегка встряхнул, пытаясь достучаться.

– Очнись уже! Ты нам нужен! Мы переживаем за тебя!

Алексей молча, но с силой оттолкнул его. В его глазах, наконец, вспыхнул огонёк – но не спортивного азарта, а холодной, бессмысленной злости.

– Отстань от меня. Ты ничего не понимаешь. Всё это... – он махнул рукой, оглядывая зал, – ...бессмысленно.

Не добавив больше ни слова, он развернулся и вышел из помещения, громко хлопнув дверью.

В наступившей тишине остались лишь тяжёлое дыхание Василия и безмолвная Ксения, наблюдавшая за ссорой. В её взгляде читался немой укор.

– Ну а что я должен был делать?! – воскликнул он, обращаясь к ней. – Продолжать молчать и делать вид, что всё нормально? Смотреть, как он себя изводит?

Ксения отвела взгляд, скрестив руки на груди.

– Я... я сама не знаю, – тихо призналась она. – Но трясти его точно не стоило.

Они стояли так несколько секунд, слушая, как за стеной затихают шаги их друга. Гнев Василия понемногу сменился на чувство вины и растерянности.

– Ладно, – выдохнул он, сжимая и разжимая кулаки. – Встань со мной в спарринг. Раз уж здесь только мы. Это эффективнее.

Ксения молча кивнула и сделала шаг вперёд. Но вместо того, чтобы принять стойку, внезапно спросила:

– Вы ведь завтра снова идёте туда?

Снежнов нахмурился и кивнул.

– Пригляди за ним, ладно? После перерыва выступать... – она вздохнула и покачала головой. – Как бы всё не стало хуже после этого.

– Не переживай, от себя я сделаю всё возможное и без твоих напоминаний.

Ксения снова кивнула и встала в стойку. Молодые люди приступили к спаррингу.

* * *

Я вышел из зала злой, как чёрт. Хотелось что-то ударить, разбить, выплеснуть злобу, но сдержался. Лишь на первом этаже спорткомплекса понял, что пальто осталось в шкафчике в тренировочной.

Конечно, можно было и так добежать до общежития, ключ находился в кармане. В комнате есть другая верхняя одежда, а пальто заберу завтра утром.

Сев на лавку в холле, я выдохнул. По полу тянуло холодом, да и в целом было довольно свежо. Приглушённо бубнил телевизор охранника-вахтёра.

Я схватился за голову и сжал её, облокотившись на колени. Что я вообще делаю? Нет ведь смысла в тренировках, абсолютно никакого! Но... физическая нагрузка помогала отвлечься от совсем ненужных мыслей. Например, почему я такой неудачник в этом мире, хотя о подобных ему знал с лихвой? Когда на старте у меня стандартный набор плюшек и подлянок типичного главного героя проходной боярки? Я ведь... Я обязан побеждать и нагибать! Так почему?

Миры сменились, но я остался прежним. Как бы ни пытался играть роль чужого, незнакомого парня... Жить чужой жизнью...

Я ведь стал сильнее! Разгадал свой магический дар, научился им пользоваться. Но даже зашкварный гарем не даётся. Баб полно, а толку – ноль. Кому из них я нужен просто потому что? Не как пешка или друг?

Резко встав с лавки, направился на выход. Сбежал по сту-

пеням и помчался в сторону общежития. Незачем думать о всякой ерунде, от этого становится ещё тошнее.

Помывшись под тёплым душем, уткнулся в учебник. Учить, учить и снова учить. Чтобы ничего ненужного в голову не лезло. Занять себя делом. Ну а завтра... Завтра я пойду в Яму. Лекари подтвердили, что кость, наконец, срослась окончательно. И никакие нагрузки мне более не страшны.

Глава 3

В клубе ничего не изменилось. Та же полутьма, экраны, галдёж зрителей и едва ощутимые эманации злости. Я шёл впереди, Вася сзади. После случая в нашей тренировочной камере он был необычайно тихим. Оно и к лучшему.

Уверенным шагом я приблизился к столу регистратора. Там уже стоял человек, так что пришлось немного подождать.

Наконец, путь освободился, и я подошёл вплотную. Мужчина оторвал взгляд от своей тетради и, посмотрев на меня, хмыкнул, после чего откинулся на спинку стула.

– Ну, вы только посмотрите, кто вернулся, – его голос прозвучал хрипло и укоризненно. – Где тебя носило, звезда? На прошлые бои не явился. Совсем зазнался?

Я посмотрел на него равнодушно, не спеша что-то отвечать. Просто потому что мне было плевать абсолютно на всё.

– Тебе вообще известно, какие тут правила? – он повысил голос, пытаясь добиться реакции. – Серия побед прерывается! Все твои заслуги к чёрту! Будешь начинать с самого начала. Понял?

Не знаю, на что он рассчитывал. Напугать? Мимо. Совершенно пустой разговор.

– Понял, – просто сказал я. Мой голос прозвучал ровно и бесцветно, без единой нотки волнения.

Его брови поползли вверх. Давление не работало. Он явно привык, что бойцы тряслись перед ним, дорожа своим местом в таблице заслуг этого заведения.

– И... и что? – он опешил. – Тебе что, совершенно нечего сказать?

– Примерно так, – я пожал плечами, и это движение было таким же механическим, как всё в последние дни. – Ранение было у меня, отлёживался. Такой ответ удовлетворит?

Регистратор на мгновение замер, оценивая меня заново. Он искал хоть каплю страха, азарта, злости – чего угодно. Но не находил ничего. Лишь ледяное, полное безразличие.

Я смотрел на него, ощущая слабые волны тепла. Злитесь? Трижды ха! Было бы о чём переживать.

– Ладно, – он фыркнул, сдаваясь, и с раздражением начал что-то записывать в свою тетрадь. – Два боя сегодня. Очередность пятая в твоей лиге. И затем девятая. На этом всё.

Я молча развернулся и направился в зону ожидания.

– И что, даже не спросишь, кто твои противники? – в его голосе вновь прозвучало раздражение.

Но я даже не сбавил шаг. Разве не очевидно?

Его попытки надавить разбились о каменную апатию, в которой я сейчас существовал. Даже думать не хотелось, отчего внезапно такое повышенное внимание. Скорей бы уже бой.

Когда раздался сигнал, я рванул с места, забыв всё – боль, унижение и пустоту последних дней. Передо мной находился не просто противник. Он был мишенью, воплощением всего плохого, произошедшего со мной за это время. Вещью, которую можно было разбить в приступе ярости.

Он, высокий и жилистый, уже ждал, подняв руки. Воздух перед ним задрожал, и невидимый кулак телекинеза со свистом прилетел в то место, где я был секунду назад. Я едва успел отпрыгнуть, чувствуя, как ветер ударяет в лицо. Бетон позади меня с глухим стуком покрылся паутиной трещин.

Но то, что я чуть было не получил мощнейший удар, ни капли не испугало. Наоборот, лишь раззадорило.

Ха! Ставки повышаются? Бойцовский клуб наконец-то решил указать на моё место?

Яростный, животный рык вырвался из моей груди. Не сдерживаясь, я позволил азарту заполнить меня, сжечь всю ту апатию, что сковала мою душу после дуэли с Рожиновым. И мой дар отозвался.

Это было внезапно и вместе с тем удивительно. Никогда прежде так чётко свеча не резонировала с моими эмоциями.

Энергии было мало, но это не беспокоило меня. Достаточно для использования нейтральной магии и защиты. А там и огонь со временем можно применить.

Я ускорился, засыпая врага серией прямых быстрых атак, попутно уклоняясь от него.

Он почти не использовал рук, лишь свою нейтралку, которой, судя по тому, что я видел, владел в совершенстве. Со стороны наш бой наверняка выглядел зрелищно, почти акробатика.

Противник ударил мне в ноги, но я, вместо того, чтобы отступить, подпрыгнул и вскинул руку прямо ему в лицо. В глазах мужчины мелькнул страх, а потом он прикрылся предплечьем. Вовремя, так как в следующий миг его охватило моё пламя.

Оно вырвалось не тонкими струйками, а яростным, ревущим вихрем, окутав мои руки по локоть. Жара не было – лишь ликующая, всепоглощающая сила.

Я швырнул в него шар огня. Он даже не сдвинулся с места, лишь махнул рукой – и огненная масса разлетелась в стороны, словно ударившись о невидимую преграду, осыпав пол искрами.

Стена? Отлично. Проверим на прочность. Но для начала...

– Очередной слабак, пф, – пренебрежительно бросил я. – И на что ты надеешься? Ну давай, развлеки меня, живо!

С этими словами ринулся вперёд, петляя, заодно купаясь в гневном оппонента. Ещё один телекинетический снаряд пролетел мимо, я ощутил его касание к волосам. Противник пытался схватить меня, остановить, но я был слишком быстр – действовало усиление от дара.

Горящий кулак обрушился на невидимый барьер. Он за-

трещал, пошёл прожилками голубоватого свечения под напором пламени, но выдержал. Мой визави ухмыльнулся.

Я и сам улыбался, но за маской этого не было видно, если только по глазам.

– Другое дело, можешь, когда хочешь! – засмеялся я.

Следующим действием бросился не в барьер, а в пол перед ним. Бетон вздыбился, взорвавшись снопом огня и осколков. В том числе за той самой невидимой стеной.

Противник вскрикнул от неожиданности, его концентрация дрогнула на долю секунды. Этого я и ждал – барьер ослаб.

Мой кулак, словно метеор, врезался в стену. Она не выдержала – разбилась со звуком, похожим на жужжание. Моя рука, пусть и ослабленная прошлой преградой, прошла насквозь, встретившись с его солнечным сплетением.

Разумеется, он такого не ожидал, потому даже и не подумал прикрыться. А когда понял – было уже поздно. Издал звук, похожий на хрип, и согнулся пополам. А так же по инерции сделал несколько шагов назад.

Я не собирался давать ему время прийти в себя. Незамедлительно приблизился и ударил локтем сверху вниз по голове. С выпуском пламени.

Он был лысый, весь татуированный, словно фрик. Огонь растёкся по его коже, словно жидкость, но быстро потух. Это определённо было действием какой-то защитной магии. Но я сомневался, что дело в татуировках – это редкое и дорогое

удовольствие, так что, скорее всего, они самые обычные.

От удара по голове противник уже не просто согнулся сильнее, а почти упал на четвереньки и попытался откатиться. Но я предвидел это вполне логичное действие с его стороны и сменил угол атаки – нога врезалась в его живот, откинув к стене.

Не замедляясь, бросился за ним. Когда он «отрикошетил», я не позволил ему рухнуть на пол просто так. Сверху вниз ударил ногой, попав по хребту.

Всё, он лежал. И по правилам клуба я принялся его методично забивать ногами, приправляя каждую атаку своей магией огня.

Он уже не злился – возможно, боялся. Но запас энергии у меня ещё оставался – дар в этот раз ел ощутимо меньше обычного.

Сознание он так же не терял.

Но вот прозвучал сигнал, и я сразу же направился на выход под объявление себя любимого победителем.

Настроение было прекрасным, немного энергии ещё находилось во мне, свеча приятно подрагивала. Я ощущал лёгкость во всём теле.

И даже обеспокоенный взгляд Снежного не изменил ничего. Благо, он додумался промолчать. Зачем вообще остался? Выступления его лиги уже закончились.

Комната Ксении Цветаевой была залита тёплым светом настольной лампы, отбрасывающей длинные тени от нас. Воздух пах чаем с бергамотом и пряниками. Почему каждый раз, как я прихожу, она чаёвничает? Вроде бы сразу с первого дня сказал – никаких отвлечений.

Я перелистывал страницу методички, пытаюсь в очередной раз объяснить ей принцип нахождения обратной матрицы.

– Вот видишь, здесь определитель матрицы не равен нулю, значит... – я сделал многозначительную паузу, смотря на неё.

– Значит, она существует! – Ксюша радостно хлопнула в ладоши, словно сделала великое открытие. Её глаза сияли от восторга, совершенно непропорционального решённой задаче. – Спасибо, Алексей! Я бы никогда без тебя не разобралась!

Я лишь кивнул, откладывая карандаш. Объяснять ей было... странно. Она слушала с таким вниманием, будто я рассказывал не про линейную алгебру, а открывал тайны мироздания. Это было немного неловко, но в то же время раздражающе, так как доходило до неё очень туго.

– Ну, на сегодня, думаю, хватит, – я потянулся и начал собирать свои тетради в сумку.

Вдруг она положила свою ладонь на моё запястье. Невесомое движение, мог бы легко сбросить, но вместо этого за-

мер, глядя на её маленькую руку на своей коже. Она быстро отдернула её, словно обожглась, и щёки девушки залил густой румянец.

– Алексей, я... – она замолчала, глядя на свои колени и нервно перебирая складки юбки. – Может быть... Ты не очень занят в субботу?

Я уставился на неё, не понимая.

– В субботу? Ты хочешь позаниматься ещё? Я ведь и так вроде всё объяснил десятки раз. И на следующей неделе тоже зайду.

– Нет! То есть, не совсем, я не о том... – она глубоко вздохнула, словно набираясь смелости перед прыжком с обрыва. – Я хотела спросить... Не хочешь ли ты сходить со мной? В кино. Или в кафе. Куда-нибудь.

В комнате повисла тишина. Я переводил взгляд с её покрасневшего лица на учебники, потом обратно. Мой мозг отчаянно пытался найти логическую связь между матрицами и её предложением. Не находил.

– Зачем? – спросил я на полном серьёзе, чувствуя лёгкое недоумение. – У нас же нет общих тем для разговора. Кроме учёбы, разве что. Ты совсем плоха как в рукопашном, так и в фехтовании, – я пожал плечами. – Прости, но ещё и это подтягивать я не намерен. И в кафе сидеть – мы и так все вместе каждый день в столовке зависаем. Да и в городе тоже время от времени.

Её лицо мгновенно побледнело. Сияние в глазах погасло,

сменившись такой искренней и глубокой обидой, что стало немного не по себе. Она опустила голову, и её плечи ссутулились.

– Я просто подумала... – Ксения прошептала почти неслышно, – что мы... могли бы лучше... узнать друг друга. А то только в общей компании. Той же Земской... ты уделяешь больше внимания, чем кому бы то ни было. Вы... ведь не встречаетесь?

Она совсем сжалась. К чему этот вопрос?

Внезапно меня осенило: она ведь вроде как влюблена! Я замечал, думал об этом, но в последние пару недель совсем из головы вылетело. Странно, что она всё ещё на что-то надеется.

Я смотрел на неё – на эту хрупкую девушку, отдалённо напоминающую Анну, но совершенно на неё непохожую. Ксюша была очень тихой и скромной, к тому же, сама проявляла ко мне интерес, почти липла, хоть и безмолвно. Наверное, немного сталкершу напоминала.

Например, Земская вела себя нагло, вызывающе. Хоть она и молчала, но действия её просто кричали о желании «подружиться». Ксюша же просто постоянно мелькала рядом. Что-то там говорила тихо, на фоне общих разговоров я её почти не замечал и не вслушивался.

Как же невовремя! Мне совершенно нет дела сейчас до гарема, о котором грезил столько времени. Мечты разбились о жестокую реальность.

Но вот девушка хочет провести со мной время, робко просит о внимании. А что я? Не хочу. Как так произошло? Всё с ног на голову перевернулось.

– Ладно, – неожиданно для себя сказал я. – Кафе так кафе. Только вечером в пятницу, когда я буду свободен. В эти выходные поеду в Козлов, как и обычно.

Она преобразилась мгновенно. Вся вспыхнула, словно её, как новогоднюю гирлянду, включили в розетку.

– Правда? – она чуть не подпрыгнула на стуле. – Ой, то есть... конечно! Будет весело, тебе не будет скучно! Обещаю!

Я только хотел мысленно отругать себя, что ввязываюсь в мутные отношения с неинтересной девушкой, как её искренняя радость словно что-то задела внутри. Разве не этого хотел, чтобы мне были просто рады?

Чёрт с ней. Прогуляюсь. Это ведь ни к чему не обязывает. Отдыхать тоже иногда нужно.

* * *

Мягкий свет ламп на стенах, приглушённый гул голосов, запах вкусной еды. Атмосфера казалась странной, какой-то уютной и домашней. К тому же, это было не кафе, а полноценный ресторан! Войдя сюда, я хотел было развернуться и уйти – за ужин в подобном заведении денег уйдёт явно больше, чем за чашку кофе с булкой.

Но Ксюша повисла на моей руке и посмотрела жалобно, глазами на мокром месте:

– Я забронировала столик, внесла предоплату... – зачем-то сказала она.

Ладно, раз уж подписался – доведу до конца. Обещал ведь провести с ней время! Будет мне уроком на будущее – в подобных вещах женщинам не доверять.

Пока хостес вёл нас к нашему столику, я обратил внимание, что большинство посетителей сидят парами. Явно романтические и праздничные вечера.

Что ж, надо расслабиться и отдохнуть. Чего переживать и раздражаться? Хотя бы поем сегодня что-то необычное. Заказал себе морепродукты – кажется, в этом мире я ещё их не ел.

Напротив, вся сияя, сидела Ксюша Цветаева. Она устроилась на полукруглом диване, словно на троне, и смотрела на меня такими влюблёнными глазами, что я чувствовал себя экспонатом в музее.

Разве её взгляд всегда был таким? Странно всё это.

Пытаясь заполнить неловкую паузу в ожидании блюд, я рассказывал о недавнем спарринге с Васей. Буквально час назад занимались вместе с друзьями, а потом направился сюда с Ксюшей.

– ...он стал куда сильнее, это факт. Но ему всё ещё не хватает скорости. Если бы он работал ногами лучше, мог бы...

Я замолчал, внезапно осознав, что Цветаева вообще ме-

ня не слушает. Она просто пялилась на меня, её взгляд был полон какого-то безудержного обожания, а на губах играла блаженная улыбка. В голове возникла аналогия с фанаткой корейского айдола, к которой этот небожитель снизошёл. Очень странное чувство.

Пауза затянулась. Ксюша встрепенулась и, не смутившись ни капли, выпалила:

– Ты просто поразительный, Алексей! Я слушаю тебя и думаю – какой же ты сильный! И ответственный! И учишься, и тренируешься без отдыха! Я просто уверена, что ты достигнешь невообразимых высот! Все твои враги будут повержены, а обидчики получают по заслугам! И даже этот ужасный Валентин Рожинов будет ползать у твоих ног!

Она произнесла это с таким жаром, словно уже видела этот триумф. Но упоминание Рожинова, как ушат ледяной воды, обрушилось на меня. Вся горечь того поражения, тот самый хруст кости – всё всплыло разом. Моё лицо, должно быть, исказилось, потому что девушка мгновенно сменила восторг на испуг.

– Ой! Прости, я не хотела! – она схватила меня за руку. – Я действительно верю в тебя! Очень-очень верю! Ты обязательно отомстишь ему!

Я медленно высвободил руку, стараясь не проявлять раздражения. Её наивная слепая вера, как и это необъяснимое обожание, были одновременно и трогательными, и сбивающими с толку. Потому что я не видел причин, по которым

мог бы так заинтересовать её своей персоной.

Но она близка с Татьяной. Очень близка. Иначе её бы не было в нашей компании.

Насколько я знал, Цветаевы являлись давними деловыми партнёрами Рожиновых. Потому их семьи активно поддерживали связь.

А ещё – Ксюша точно не играла, она и правда недалёкая. Глупенькая, наивная... Вряд ли она вообще умела обманывать. В новой компании молчалива, но со своими хорошими знакомыми довольно болтлива.

Пусть и недалёкая, но она довольно ответственная и заботливая, тот же чай с пряниками... Она очень добрая и жизнерадостная, потому многое ей прощалось. Такой солнечный цветочек. И раз уж она влюблена, почему бы не воспользоваться моментом?

– Ксюша, – сказал я тихо, переходя на более личное обращение, чтобы придать вопросу вес. – Скажи честно. Правда, что Валентин – неофит второй звезды?

Её глаза округлились. Она замерла, словно пойманная на чём-то запретном. Нервно облизала губы, оглядываясь по сторонам, хотя никто не обращал на нас внимания.

– Я... Только я тебе ничего не говорила, хорошо? – прошептала, наклонившись через столик. – Это не точно... Но однажды Татьяна обронила, что её брата приглашали пройти специальную практику после первого курса. А это... Это возможно только при подтверждении второй звезды. Зна-

чит... Значит, сейчас он вполне может иметь и третью. Два года ведь прошло!

Внутри у меня всё похолодело. Холодов оказался прав. Я дрался не просто с талантливым бойцом. Я дрался с монстром, который скрывал свою истинную силу. Это объясняло всё – его скорость, реакцию, ту чудовищную мощь в его ударах.

Я откинулся на спинку дивана, пытаюсь переварить услышанное. Мир, какого фига происходит?! Разве не я обязан быть на его месте? Развиваться невообразимыми темпами, быть приглашённым после первого курса на практику, которая становилась доступна студентам лишь после второго курса, и то после жёсткого тестирования? Вторая звезда! Когда он её получил? Как?!

Ксения смотрела на меня с тревогой, словно боялась, что я сейчас взорвусь.

– Ксюша, – снова начал я, тщательно подбирая слова. – Ты ведь чувствуешь свой источник? Свой дар?

Она кивнула, смотря на меня с лёгким недоумением.

– Конечно. Как же иначе?

– Расскажи мне. В подробностях. Как это было у тебя? Как ты впервые его ощутила? Как он растёт? Всё, что помнишь и чувствуешь.

Я посмотрел на неё прямо.

– И, пожалуйста, никому не рассказывай, что мы говорили об этом. Ни словечка. Обещаешь? Это будет нашим сек-

ретом.

Её взгляд изменился. В нем было не просто обожание, а ещё и будто уверенность в чём-то. Для неё моя просьба и слова о тайне отражали важность момента.

Ксения торжественно прикоснулась к своему солнечному сплетению, и её лицо стало серьёзным, почти сосредоточенным.

– Конечно, – прошептала она. – Я расскажу. Абсолютно всё.

Глава 4

Зачем я спрашивал Цветаеву об источнике? Потому что друзья цитировали учебник, а намеренно докапываться о личном опыте у них было бы странно. Они могли понять, что с моим источником что-то не так.

А сама Ксюша не была заучкой. Не сказать, чтобы она ненавидела учиться. Скорее, довольно легкомысленно относилась к этому. Всё пыталась упростить, так как не оперировала сложными конструктами. Потому я питал слабую надежду, что свои ощущения она сможет описать иначе, чем это преподносится в учебниках.

В целом, это даже в какой-то степени оправдалось. Цветаева обладала слабо выраженным даром, потому воспринимала его более тонко. Если в книгах источник описывался как нечто, похожее на «внутренний океан» шарообразной формы, то для неё формы не существовало, как и объёма. Лишь место в солнечном сплетении, откуда разливалось «тёплое сладкое молоко», как она это описала.

Кроме того, было очень много мелочей, которыми она охотно делилась. В основном, это субъективные переживания во время использования магии, которую девушка воспринимала как нечто воздушное, мягкое и тёплое.

Она никогда не испытывала истощения, но при долгом использовании магии ощущала слабость. И тут бинго! Это бы-

ло похоже на мой опыт. Разве что в её случае в разы меньше эффект. То есть, истощение одинаково проявляет себя. Вот только её «сосущее» чувство не бывало таким, словно хотело поглотить все силы. И ей было достаточно поесть сладкого для облегчения симптомов.

В учебниках же истощение описывалось иначе. Как усталость, негативная для организма. И только сейчас я услышал нечто, похожее на свои переживания. Это обнадеживало.

Итак, мой источник не кардинально отличается от других источников. Но всё же он иной. К разгадке разговор с Ксюшей меня не приблизил, но хотя бы дал скоротать время за совместным ужином.

Девушка была очень странной. В ней чувствовалась неестественная привязанность и верность по отношению к мне. Раньше я бы радовался и не задумывался об этом, сейчас же... Мне нужны истинные причины происходящего.

Когда мы возвращались в общежитие после ресторана, она поинтересовалась, остался ли я доволен свиданием, на что я просто кивнул. Потом последовал вопрос, пара ли мы. Грубить ей не хотелось, как и отвечать. Благо, она не стала допытываться. Лишь крепче сжала мою руку.

Лишь через несколько дней стало ясно, что не стоило так поступать. Потому что пока я находился в Козлове, Цветаева всем растрепала, что мы встречаемся. Благо, её поведение в целом не сильно изменилось. И допекать больше обычного она меня не стала. Только Земская уступила ей место рядом

со мной – кроме этого, ничего не поменялось.

Гораздо важнее то, чему я научился в этой поездке.

* * *

Так как пришла осень, мы с Холодовым занимались фехтованием в подвальном помещении. Оно было освобождено от хлама и прибрано, но даже так ощущался слабый запах пыли. Узкие окна под самым потолком давали недостаточно естественного света, так что приходилось включать электрический.

Перед тем, как спуститься туда, я бегал и разминался на улице. Внутри снимал ветровку и оставался в футболке. На руки наносил мазь, подаренную Холодовым, – хотелось испытать её в реальных условиях, но без риска. Кожа действительно оставалась чистой, не было ни намёка на татуировки. Для большего эффекта сверху добавлял тонкий слой жирного раствора, чтобы отталкивать влагу.

Пока фехтовали, Холодов расспрашивал меня о делах. Прежнее недоверие и высокомерие по отношению к нему рассеялось. Казалось, я сам изменился, поняв, что ничего не будет так, как хочу. И стоило бы порадоваться, что я аристократ, при деньгах и магии. В прежнем мире визжал бы от такого привалившего счастья, а здесь вечно всем недоволен.

Увы, я здесь не самый крутой. Очередной ли это финт «сюжета» мира, чтобы помочь мне превозмочь? Кто его зна-

ет. Уже всё равно, если честно. Всё задолбалю. Неудовлетворенность и тоска в груди никуда не пропали, но стали не такими острыми. Потому бросать тренировки я не собирался. Возможно, однажды удастся совсем избавиться от этих неприятных чувств.

Так что я поддерживал спокойный, размеренный диалог со стариком. Рассказал ему о последнем бое в клубе, какие необычные ощущения испытал.

Пора было заканчивать тренировку, мышцы приятно ныли от испытанной нагрузки. Да и в целом урок мне понравился, немного расслабил. Мазь работала прекрасно, татуировки не проявлялись.

– Отлично поработали, – подтвердил мои мысли Холодов. Выглядел он задумчиво. – Я хотел бы рассказать тебе о кое-какой методике. Садись.

Он уронил прислонённый к стене мат и сам сел на него, скрестив ноги на манер индуса. Я, недоумеваю, опустился рядом, приняв ту же позу, что и старик.

– Закрой глаза, – в его голосе появилась непривычная размеренность, почти монотонность. – И слушай. Не ушами. Внутри.

Он начал дышать. Медленно. Глубоко. Вдох – такой долгий, что, казалось, воздух наполняет его всего, сверху донизу. Затем такой же медленный, полный выдох, будто он выпускает наружу саму свою сущность.

Я попытался повторить, но у меня вышло резко и сбивчи-

во. Было будто неудобно.

– Не заставляй лёгкие, – посоветовал он, не открывая глаз. – Позволь телу дышать самому. Просто наблюдай. А потом... Отдайся тому, что чувствуешь.

Я нахмурился, сидя с закрытыми веками. Что я чувствовал? Остаточный азарт после спарринга. Усталость. Лёгкое раздражение от этой непонятной медитации.

– Не гони эмоции прочь, – словно угадав мои мысли, сказал Холодов. – Не пытайся их контролировать силой. Прими их. Даже если это будет гнев. Стань с ним единым целым. Почувствуй его жар, его вкус. Войди с ним в гармонию. Он – часть тебя. Ты – это он.

Это было странно. Я всегда старался подавлять сильные эмоции, особенно гнев. Да и учебники все твердили это. А тут... Мне предлагали не сражаться, а принять и даже обнять их.

Я попробовал. Перестал сопротивляться той самой, знакомой ярости, что тлела внутри после поражения от Рожнова. Позволил ей подняться, накрыть меня с головой. При этом не поддавался ей, не слепо шёл у неё на поводу. Я просто... признал её. Да, я в ярости. Это я. Похоже на то, что испытал в яме клуба совсем недавно.

Это невообразимое чувство охватило меня целиком. Не нужно было отвлекаться на бой, что усиливало погружение. Воздух вокруг меня будто сгустился. Моё дыхание, ещё недавно сбивчивое, вдруг само собой выровнялось и попало

в ритм с дыханием Холодова. А потом я почувствовал её. Свою свечу. Тот самый, знакомый до боли сгусток пламени в груди.

Она редко отзывалась на мои эмоции. Но сейчас всё было иначе. Она трепетала, тихо и послушно, в такт моему дыханию. На вдохе её свет становился чуть ярче, на выдохе – чуть мягче. Она пульсировала, как второе сердце.

– Чувствуешь? – голос Холодова прозвучал где-то очень далеко. – Это не контроль. Это резонанс. Ты и твой дар – одно целое. Теперь... представь, что твой гнев – это не просто чувство. Это вода, что омывает тебя.

Это не сложно было представить, так как воздух вокруг уже ощущался, словно жидкость – тяжёлая, но не сковывающая. Я не стал заставлять свечу гореть ярче. Вместо этого просто... позволил гневу, с которым теперь находился в гармонии, «двигаться» сильнее, хоть чёткого направления и не было.

Свеча вспыхнула. Не взрывом, а мощным, ровным, ослепительным пламенем, что заполнило всё моё внутреннее пространство. Оно раздулось согласно моей воле, но без малейшего усилия. Я не толкал его, а дышал им.

Я открыл глаза. Вокруг не было видимого пламени, но чувствовалось, как от меня исходят волна тепла. Причём не магического, а словно «предмагического». Будто проложен путь, и нужно лишь захотеть...

Воздух задрожал. Я ощущал уже магию, которая «выли-

лась и разлилась» вокруг словно сама, но в то же время согласно моим мыслям. Будто мы единое существо.

Посмотрев на свои руки, увидел, что они слегка подрагивали, словно иллюзия из-за конвекции воздуха. Но я чувствовал, что могу поджечь всё вокруг одним лишь желанием. Не усилием воли, а простым разрешением себе это сделать.

И я сделал. В центре ладоней вспыхнуло «пушистое» пламя. Много тоненьких, почти плоских «пластин» огня трепетали. Все они складывались в кристаллическую решётку. Благодаря этому в маленьком объёме было много света, но очень незначительно энергии.

Именно энергии, которой во мне быть не должно. Или должно? Мой собственный гнев стал топливом. Но, в отличие от чужого, его прежде едва хватало на жалкие искры. Сейчас же контроль куда плотнее, лучше, поэтому и затраты минимальны, почти не ощутимы.

Но если сейчас кинусь в бой, то концентрация ослабнет, однозначно. Нужны тренировки.

Я перевёл взгляд на Холодова, вновь подпитывая себя гневом, уже на него. Это ведь и есть истинная медитация, а не та фигня, которой я страдал всё это время!

Холодов кивнул, на его лице впервые за всё время мелькнуло нечто, похожее на удовлетворение.

– Похоже, эта методика и правда подходит тебе.

Я был не в силах говорить, ощущая внутри целое мини-солнце, а не свечу. Это было прекрасно. Это солнце было

мной. Не хотелось портить момент. Меня наполняли силы и приятное тепло.

И всё же я сжал ладони в кулаки и «успокоил» дар. Огонь в моих руках потух, тепло вокруг пропало, а солнце словно съёжилось и потускнело, ставь вновь пламенем свечи.

– Почему вы не обучили меня этому раньше? – прорычал я. Но вместе со злобой в голосе прозвучала обида. И мне даже не было стыдно её показывать.

– Потому что это запрещённая техника, – огорошил меня старик. – Никогда не практикуй её при свидетелях. Во время боя – другое дело. Но для этого сначала надо освоить ее в совершенстве. Основы я тебе объяснил. Есть ещё моменты, о них расскажу позже. Но в целом это лёгкая техника.

– Но почему ее запретили?! Если она настолько эффективна?! – не понимал я.

– Потому что чаще человек или заложник своих эмоций, или хозяин. Первые сторают от собственного дара, вышедшего из-под контроля. Вторые – остальные маги мира. Ими написаны учебники с проверенными методиками. А тех, кто живёт в гармонии с собой и своими чувствами, – единицы.

– Но откуда вы...

– Методика менее опасна для талантливых, – он покачал головой. – Она их тоже калечит, но не сжигает, как одарённых. А вот в критической ситуации может стать шансом на спасение. Потому её негласно распространяли, но только лишь среди ветеранов. Тех, кто закалён в боях и отдаёт себе

отчёт в собственных силах. Если узнают, что я передал тебе, молодому и зелёному, эту технику, то попаду под трибунал за разглашение секретных и опасных знаний. Твой батюшка так же вряд ли оценит моё решение.

– Но почему тогда...

– Я верю в тебя, Алексей. Ты сильно изменился за последние месяцы. И твой рассказ, по сути, и есть эта методика, лишь в зачаточном состоянии. Ты бы сам дошёл до неё, но мог при этом пострадать. Я лишь сократил путь и сгладил негативные эффекты. Но, похоже, ты действительно наделён уникальным даром. Ещё и эмоция, гнев... – он покачал головой, нахмурившись. – Это разрушительное чувство, оно никого до добра не доводит. Тебя же питает, но не калечит. Вы сосуществуете непостижимым образом. Кто рассказал бы о таком – не поверил. И ты об этом не распространяйся. Не поймут, не примут, лишь заклеят.

Я задумался. Дельные вещи говорил старик, на самом-то деле. И всё же я весь необычный! Истинный герой мира! Ва-ха-ха!!!

Хотя ладно, не герой. Но умный, необычный пользователь дара. Медленно раскачиваюсь, но потом как зажгу – мало никому не покажется!

– Вы были правы, – сказал я, внезапно вспомнив другой немаловажный факт. – Валентин неофит второй звезды. Существует вероятность, что и третьей.

– Хм...

Старик вновь нахмурился. Мы недолго просидели в тишине, так как в дверь постучались. К нам заглянула Марфа. Она пришла сообщить, что завтрак уже готов, и мы запаздываем.

* * *

Интерлюдия

В тихом полупустом кафе на окраине Тамбова, у большого окна, за которым уже полностью стемнело, сидели Ксения Земская и Валентин Рожинов. От него не пахло дорогим парфюмом, а на лице вместо привычной надменности читалась задумчивость. Простая тёмная водолазка завершала образ, делая его проще и человечнее.

Земской он нравился таким. Она ловила себя на мысли, что со стороны выглядит для других студентов наверняка такой же высокомерной и холодной, а на деле это лишь маска.

Ей было интересно, изменилось бы его отношение, узнай он, что она княжна Юсупова? Потерял бы он всю эту комфортность, заменив её на опостылевшую заискивающую вежливость? Девушка так устала от условностей прежней жизни! Тамбов, который, по мнению родственников, должен был стать для неё клеткой, оказался глотком свежего воздуха. Никогда она ещё не чувствовала себя настолько счастливой, как в этом городе.

– Значит, основная разница не в объёме, а в контроле, –

Ксения, увлечённая разговором, жестикулировала вилкой. – Ты говоришь, на второй звезде уже не просто направляешь силу, а чувствуешь каждую её частицу?

Валентин кивнул, отодвинув тарелку с десертом. Его движения были спокойными и точными.

– Именно. На первой звезде ты – грубая сила. На второй – скальпель. Ты не просто бьёшь, ты выбираешь, куда и как ударить, чтобы добиться максимального эффекта с минимальными затратами. Это как разница между молотком и хирургическим ланцетом.

Он смотрел на неё с искренним, как казалось девушке, интересом, ловя каждое её слово о боевых искусствах. Он не поучал, а делился знаниями. И это подкупало.

– А ведь мне казалось, что хорошо контролирую дар, – вздохнула она и положила на язык кусочек тирамису, наслаждаясь его вкусом.

– В этом и суть так называемых «повышений», – тепло улыбался парень. – На последующем контроль становится лучше, чем на предыдущем. Уже кажется, что это раньше работал молотком, а вот сейчас... – он сделал многозначительную паузу, придав лицу таинственное выражение. – Но измерения не врут, приборы видят качественный скачок. А ощущения... они непередаваемы.

– Просто поразительно, – удивлялась девушка, качая головой. – Не могу себе представить.

Земской нравилось общаться с этим парнем. Возможно,

даже больше, чем с Алексеем. Так как Валентин был старше и будто мудрее. Но вот в спаррингах она бы предпочла как раз Стужева, за его азарт. Рожинов был более спокоен и размерен, девушка неосознанно подстраивалась под такой темп, что только усугубляло её положение. К тому же, с Валентином, как спарринг-партнёром, она вновь ощущала себя слабой и ни на что не способной. То чувство, которое она ненавидела с детства.

– А в Разломах? – не удержалась Ксения, понизив голос. – Ты же там был. Может, хотя бы намекнёшь? Жуть как интересно!

Выражение лица Валентина помрачнело. Он покачал головой, и в его глазах появилась неподдельная досада.

– Ксения, я бы с радостью... но это гостайна. Серьёзнее, чем ты можешь себе представить. Мои руки связаны. Все практиканты подписывают магический контракт, который жёстко контролирует соблюдение условий. Поверь, даже если бы я очень захотел, то не смог ничего рассказать. Даже под пытками. Лишь то, что был там.

Она вздохнула, но кивнула с пониманием. Его честность в этом вопросе вызывала скорее уважение, чем разочарование. Отец и остальные родственники просто грубили, настаивая на том, что её это касаться не должно.

– Как, кстати, Алексей? – спросил Валентин, как бы невзначай, отхлебнув кофе. – Справился? После нашего... поединка. Я до сих пор испытываю неловкость.

Ксения оживилась.

– Да, вроде бы. Он... снова в строю. Даже лучше прежнего.

Она рассказала несколько примеров их общения, сигнализирующих о возрождении мотивации у Стужева. Валентин слушал внимательно, и на его лице появилось искреннее, как показалось Ксении, облегчение.

– Я очень рад это слышать. Честно, – он сделал паузу, выбирая слова. – Скажи, а как ты думаешь, у меня есть шанс... Хотя бы попытаться наладить с ним отношения? Извиниться? Я понимаю, что после всего это звучит нагло, но мне правда неловко, что так вышло.

Ксения замялась, смотря на свой недоеденный десерт. Мысли путались. С одной стороны, она видела его искренность. С другой – мысль о том, чтобы признаться Алексею в этих тайных встречах, вызывала у неё тревогу.

– Я не знаю, Валентин, – честно призналась она. – Сейчас не лучшее время.

– Я понимаю, – он мягко улыбнулся. – Я не буду торопить события. Но я хочу, чтобы ты знала – я искренне хочу, чтобы твои друзья стали и моими друзьями.

Они допивали свои напитки, болтая о пустяках, и Ксения ловила себя на мысли, что ей с ним... легко. Он был умным, сильным, внимательным. И совсем не похожим на того монстра, с каким его ассоциировала молва. Алексей, в частности, был весьма невысокого мнения о нём. Может, они все

ошибались? Может, он просто запутавшийся человек, который тоже ищет свой путь? Как и она, по сути.

Когда они вышли на пустынную ночную улицу, Валентин тактично не стал предлагать её проводить, просто попрощался и ушёл в сторону, противоположную от академии.

Ксения же постояла немного, глядя ему вслед. В её душе сталкивались две противоречивые картины: яростный, ломающий руки боец с арены и этот спокойный, знающий мужчина, с которым только что было так интересно общаться. И вторая картина почему-то казалась более значимой.

Глава 5

Вечерний воздух в академическом парке был прохладен и свеж. Ритмичный стук наших кроссовок по асфальтовой дорожке сливался с мерным дыханием. Мы с Василием бежали в унисон, уже проходя второй круг, растворяясь в наступающих сумерках.

Впереди, на лавке, освещенной фонарем, кучковалась шумная группа из пяти студентов. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что они праздновали с алкоголем. Наверняка провожают в последний путь треклятые матрицы по математике, так как это парни из моей подгруппы.

Мы собирались просто пробежать мимо, но один из них, долговязый и вечно язвительный Константин Звягинцев, неуверенно шагнул вперед, преграждая мне дорогу. Мы с ним практически не пересекались, и парень прежде казался мне слишком трусливым, чтобы связываться со мной.

– Стужев! – он хрипло рассмеялся, раскидывая руки в стороны. – Слышал, тебя обе графини кинули? Целовал им зад, а они тебя пнули, как жалкого щенка? Не потянул, да? Теперь и тихоней Цветаевой доволен?

Я замедлил бег, смотря на него с откровенным недоумением. Эту пьяную чушь даже не хотелось комментировать.

Краем глаза я видел, как Вася остановился в сторонке, скрестил руки на груди и ухмыльнулся. Он знал, что вме-

шиваться не стоит, я и сам прекрасно справлюсь. А он подстрахует, если что – всё же их пятеро, хоть и пьяных.

– Отвали, Костя, – буркнул я, пытаюсь обойти его. – Не до тебя.

– А чего это? – он разозлился, что его игнорируют, и снова прыгнул передо мной. – Неудачник ты, Стужев! Скажи, чем ты их заинтересовал-то? Деньги у тебя есть? Титул? Может, ты скрытый граф? Или просто хорошо языком работаешь, грязный бастард?

Воздух вокруг словно застыл. Я полностью остановился и медленно, очень медленно развернулся к нему. На моём лице расплылась широкая, недобрая ухмылка.

– Повтори, – тихо сказал я. – Только внятно. Не мямли.

Константин, подзадоренный моей реакцией и одобрительным хохотом своих приятелей, выпрямился во весь свой немалый рост. Каланча несчастная.

– Я сказал – грязный бастард! Так услышал?

– Вполне, – кивнул я. Затем, убедившись, что мы в поле зрения одной из камер наблюдения, вежливо указал на неё пальцем. – Вызываю тебя на дуэль, Костик. За оскорбление чести. Всё по правилам.

Я помахал рукой в объектив.

– Как думаешь, комитет одобрит?

– Думаешь, я кого-то боюсь? – возмутился он. – Комитет? Пф! Да вертел я их всех! А тебе и так всыпать можно, не дорос еще до дуэли со мной, бароном Звягинцевым! – взре-

вел он и, потеряв остатки контроля, пьяно рванулся на меня, пытаюсь схватить за грудки.

Один лишь лёгкий шаг в сторону – и он пролетел мимо, едва удержавшись на ногах. Его приятели захохотали ещё громче, подначивая:

– Давай его, давай! Мы в тебя верим, друг!

– Эй, осторожнее, – сказал я с притворной заботой. – А то упадёшь ещё, покалечишься. Попросишь дуэль перенести из-за травмы.

– Да пошёл ты! – он с рёвом развернулся и снова пошёл в атаку.

На этот раз я не стал уворачиваться – просто подставил ногу.

Закон физики сработал безупречно. Его длинные конечности запутались, и ветви кустов у края дорожки жалобно затрещали, ломаемые весом его тела.

Его друзья, перестав смеяться, бросились вытаскивать его из зарослей. Они сами еле стояли на ногах, один из них тоже завалился, доламывая несчастный кустарник.

Я же кивнул Васе, и мы снова пустились в бег, оставив позади возню и невнятную ругань.

Вася, бежавший рядом, тихо засмеялся.

– Наконец-то! Забыли, кто тут сильнейший на потоке? Нам же лучше!

Я ухмыльнулся в ответ. Звягинцев гордый, но трусливый. Прежде он никогда не наезжал на меня, просто тихо нена-

видел и бросал косые взгляды. Хотя, не один он такой. Но пьяному язык не товарищ. Интересно, как он будет чувствовать себя утром, когда вспомнит, во что вляпался? Вряд ли до дуэли дойдёт, скорее, предпримет попытку откупиться. Объём моей «маленькой» заначки постепенно рос. Тратить особо не на что, но однажды точно пригодится.

Мои мысли сменили русло. «Обе графини кинули»... Ну что за бред? Мы как дружили, так и продолжали, из моего круга что Земская, что Рожинова – никуда не пропали. Просто я стал разрешать Цветаевой виснуть на мне. Пьяная рожка увидел, что Ксении с нами на пробежке нет, и алкоголь сверху придал храбрости. Мне же лучше.

Собственно, о Земской. Это первый раз, когда она пропустила совместную тренировку. Что-то случилось? Какая-то новость от княжеского рода, либо бабушке понадобилась? Выпытывать подробности я не стал, но сейчас очень хотелось удовлетворить любопытство.

Но ничего, сама наверняка расскажет завтра. Надеюсь, это не требование вернуться в Москву.

* * *

Солнечный свет залил широкий подоконник в коридоре академии, где собралась наша небольшая группа. Я прислонился к стене, чувствуя лёгкое касание плеча Ксюши Цветаевой. Она то и дело поглядывала на меня с глупой, доволь-

ной улыбкой, будто мы делили не общее пространство, а какой-то секрет. Что, в общем-то, было недалеко от истины после нашего разговора в кафе.

– Ну, матрицы можно благополучно похоронить и забыть! – сказал Василий, не скрывая радостной улыбки. – Я уж думал, что эта тема никогда не закончится, а тут такое чудо.

– Рано радуешься, – фыркнул я, поражаясь его наивности. – Ещё экзамен по математике впереди.

Улыбка тут же сошла с лица парня, и он недовольно глянул на меня исподлобья:

– Вот обязательно было настроение портить?

– Лишь спустил с небес на землю, – улыбнулся я. – Жизнь тяжёлая штука, привыкай.

– А у нас в подгруппе итоговый тест только на следующей неделе, – гордо заявила Ксения Земская, скрестив руки под грудью. – Но я готова. Сомневаться даже не начинайте.

– Да кто сомневается? – хмыкнула Татьяна, так же сдавшая на «отлично». – Только тот, кто тебя вообще не знает.

В её тоне была спокойная, непоколебимая уверенность, и никто не стал спорить. С Ксенией всем всё понятно давно – она стремилась быть идеальной во всём. Будь то учёба или бои.

Воздух был наполнен лёгкостью, почти беззаботностью, которой я не чувствовал очень давно. Как начал практиковать новый вид медитации, стало в разы проще жить.

Эту идиллию нарушил тихий, но чёткий голос:

– Всем привет.

Мы разом обернулись. Рядом с нами стояла Анна. Она выглядела бледной, но собранной, впереди, на уровне живота, находилась сумка. Было заметно, как напряжённо её пальцы обхватили ремешок.

– Аня! Ты вернулась! – просияла Виктория, опомнившаяся первой. Она приблизилась и обняла подругу, чмокнув в щёку. – Наконец-то твоё заточение закончилось!

Татьяна последовала примеру Мясоедовой, её объятия были чуть более сдержанными, но лицо выражало искреннюю радость.

– Да, поздравляю с освобождением. И ещё раз прости за... выходку моего брата. Он иногда не знает меры.

– Всё в порядке, – улыбнулась Анна, но её глаза были холодными. Они скользнули по нашей компании и остановились на мне. – Алексей. Можно тебя на минуту?

Всё внутри меня сжалось. Я не хотел с ней пересекаться вообще никогда. Между нами уже не было ничего общего, лишь моё раздражение по поводу этого бельма.

– Зачем? Нам не о чем говорить, – сухо ответил я, ощущая, как мою руку рядом с локтём сжимает Ксюша.

– Это важно, – Анна не отступала, и в её взгляде появилась знакомый блеск, который я прежде принимал за влюблённость. Сейчас же понимал, что это жалость. – Пожалуйста.

Я с раздражением скинул с себя ладонь Цветаевой и, кив-

нув друзьям, отошёл с ней на несколько шагов в сторону, в тень межоконного проёма.

– Ну? – спросил я, скрестив руки на груди и смотря на неё сверху вниз.

– Ситуация изменилась, Алексей, – начала она, понизив голос.

Передо мной была прежняя Анна, такая тёплая и домашняя, без тени стервозности. Та дама, которую хотелось защищать. Глупец, и как я мог повестись на это?

– Ты и сам должен это понимать. Мои родители... Они, наконец, всё увидели в правильном свете. Препятствий больше нет.

Она сделала паузу, глядя на меня с таким выражением, будто открывала душу и искала поддержки.

– Я готова. Готова быть с тобой навсегда. Уехать в Тулу.

Я несколько секунд просто смотрел на девушку, пытаюсь осознать масштаб её наглости. Она явилась сюда, после всех своих унижительных отказов и оправданий, с таким видом, будто ничего не изменилось! Будто моя жизнь с ее исчезновением замерла и не развивалась. Будто я тихо страдал, ожидая, когда она вернётся и подберёт такого милого котёнка.

Какая же чушь! Человек, который может поцеловать, а потом заявить, что это лишь «ошибка», и предлагать жить так, будто ничего не случилось, мне не нужен. Ты либо относишься по-человечески, либо идёшь лесом. Никаких, мать его, игр со мной! Я такого больше не потерплю!

Анна не Татьяна, она ничего мне не даёт. Да и Рожинова ещё поплатится за двойную игру, но после. Когда это будет удобно мне и совершенно неожиданно для неё. Неужели они и правда меня за идиота держат? Считают, что я не умею делать выводы?

Как пить дать – это Татьяна ей сообщила о Цветаевой, вот Теплицкая и прибежала. Когда поняла, что круг женихов схлопнулся, что опозорена на весь Тамбов и Козлов. Что никому не нужна. Конечно, уехать в Тулу, начать новую жизнь рядом с идиотом. Пусть мечтает дальше!

– Мне это неинтересно, Анна, – наконец, выдохнул я.

Хотелось накричать на неё, дать пощёчину. Но я сдержался, сохраняя спокойствие, хоть солнце дара давило внутри и полыхало.

Она фыркнула, и на её лице появилась снисходительная усмешка.

– Да брось, Алексей. Только не говори, что променял меня на эту девочку, Цветаеву. Она просто жалкая замена, пока я была недоступна. Это ведь очевидно. Но сейчас я осознала свою ошибку и пришла...

Она потянула ко мне руку и взялась пальцами за лацкан пиджака, поглаживая его. Мне было противно её прикосновение, я тут же сделал шаг назад. Девушка лишь шире улыбнулась, начав играть глазками.

Это было уже слишком. Терпеть эту наглость дальше я не собирался.

– Знаешь, что самое забавное во всей этой ситуации? – ухмыльнулся я, сохраняя спокойствие титаническими усилиями. Мои слова прозвучали тихо, но бодро. – Ты до сих пор думаешь, что это всё – какой-то аукцион, где ты выставишь свой «ценник». Ты задрала его до небес, даже граф Рожинов тебе был не такой. А теперь, когда оказалась никому не нужна, решила, что можно снизойти до баронишки из Тулы. Даже сейчас, всеми отвергнутая, ты продолжаешь строить из себя невесть кого. Делая вид, что всё ещё представляешь ценность для кого-то. Да только это не так, и это ты понимаешь, иначе не пришла бы сюда и не начала этот разговор. Но ты просчиталась.

Я нагнулсЯ вперёд, сблизив наши лица. Она с интересом смотрела на меня, с лёгкой полуулыбкой, край которой нервно дёргался, выдавая её состояние и подтверждая правоту моих слов.

– Мне это неинтересно!

Резко развернувшись, я пошёл назад к друзьям. Они смотрели на нас с нескрываемым любопытством. Я, не останавливаясь, взял за ладонь Ксюшу Цветаеву. Она тут же поняла всё без слов, обняла меня за плечо и прижалась головой к моей руке, глядя на Анну с немим, но безмерно довольным вызовом.

Анна продолжала стоять на месте. Её лицо слегка вытянулось, в глазах на секунду мелькнула неподдельная злость и обида. Но лишь на секунду. Потом оно снова стало холод-

ным и надменным.

Сожалела ли она? Вряд ли. Такие твари только играют, изображают чувства. Ей было неприятно не от потери меня, а от того, что я не поверил в её спектакль и не побежал за ней, как преданный пёс.

Теплицкая медленно развернулась и ушла, её каблуки отчётливо стучали по каменному полу сквозь шум, которые создавали студенты на перемене. А наша компания снова погрузилась в лёгкую, беззаботную и теплую атмосферу, будто лишь прохладный ветерок пронёсся по коридору, заставив на миг поёжиться, и пропал.

Я чувствовал, как маленькая рука Ксюши сжимает мою чуть сильнее. Эта девушка мне удобна, а ещё – выглядит куда искреннее Анны. Она сама бежит за мной и ищет общения, но не треплет нервы. А что ещё свободному парню нужно? Правильно – только ещё больше силы. Уж точно не баб.

* * *

Интерлюдия

Застекленная терраса была уютным островком тепла среди осеннего холода. Пахло дорогим чаем с жасмином и свежей выпечкой, а также цветами. Всё же это был зимний сад Рожиновых, полный цветущей зелени, чем резко контрастировал с серостью снаружи.

Татьяна, небрежно развалиясь в плетёном кресле, с насла-

ждением потягивала ароматный напиток. Она наблюдала, как за окном кружатся последние жёлтые листья. Анна сидела рядом, сжимая свою чашку так, что костяшки пальцев побелели.

– Это всё благодаря твоей «информации», Таня! – голос Анны дрожал от сдерживаемого гнева. – Ты сказала, что он просто использует Цветаеву! Я надеялась... Я думала, у меня ещё есть шанс всё исправить!

Татьяна медленно поставила фарфоровую чашку на блюде, не спеша вытерла пальцы о салфетку.

– Милая, я сказала тебе лишь то, что видела. Цветаева висит на нём, как репей, а он её терпит. Где ты услышала, что он заменил её на тебя? Это ты сама додумала, потому что тебе так было удобнее. Утешала себя, что он всё ещё любит тебя и только тебя.

– Удобнее? – Анна горько рассмеялась. – Как мне продолжать посещать академию? Отец настаивает, чтобы я забрала документы во избежание усугубления ситуации. И всё это после того позора, что устроил твой брат! Мой отец в отчаянии! Я осталась совсем одна, и всё из-за тебя! Будто прокажённая...

Лицо Татьяны из расслабленного мгновенно стало холодным и острым. Она выпрямилась в кресле, и её взгляд приобрёл стальную твёрдость.

– Из-за меня? – её голос понизился, став опасным и тихим. – Я советовала тебе связать с ним отношения. Уехала

бы из Козлова, подальше от моего брата, пока не надоела ему, и пока он не устроил пакость. Валентин бы ничего не смог сделать! Перспективный барон из другой области! Наследник рода! Да ты хоть знаешь, какими военными госзаказами воруют Стужевы? Интересовалась хоть раз? Жила бы, как за каменной стеной, ни в чём не нуждаясь, за спиной влюблённого в тебя Алексея. Этот брак решил бы все твои проблемы и проблемы твоего рода! А ты что? Всё нос воротила?

Анна открыла рот, чтобы возразить, но Татьяна её резко оборвала, подняв руку.

– Я тебе помогала искренне, от всего сердца. Ни копейки не взяла! От Валентина прикрывала, перспективного жениха нашла. А ты что сделала? Как распорядилась возможностью? Нос воротила! Не в твоём вкусе высокий, красивый, голубоглазый блондин, без пяти минут глава рода! Рода, не последнего в Туле! Рода богатого и успешного! Я бы ещё поняла, будь он косой и кривой, но нет же! Чего ты ерепенилась? Ждала принца на белом коне? Ну так теперь расхлёбывай кашу, которую сама и заварила!

– Но твой брат... – снова попыталась начать Анна, её голос стал плаксивым.

– Мой брат поставил точку в истории, которую ты сама довела до абсурда! – Татьяна встала, её тень упала на Анну. – Аудиенция окончена. Я больше не намерена тратить время на тебя и твои проблемы.

Она повернулась к служанке, стоявшей у входа в ожидании указаний.

– Проведи гостью к выходу.

– Таня, подожди! – Анна вскочила, на её лице застыла паника. – Мы же можем всё исправить! Я...

– Если ты сейчас же не повернёшься и не уйдёшь сама, – Татьяна обернулась, и в её глазах не осталось ничего, кроме ледяного презрения, – я позову охранника. И он, в отличие от меня, церемониться не будет. Тебе это нужно?

Анна замерла, её губы задрожали. Она увидела, что это не шутка. Сжав кулаки, она фыркнула, развернулась и, не прощаясь, выбежала с террасы. Её каблуки гулко стучали по паркету, пока звук не затих в глубине дома. Следом спешила служанка.

Татьяна медленно вернулась к своему креслу и снова села. Взяла чашку, но чай уже остыл. Она отставила её в сторону и вновь уставилась в огромное окно. За стеклом, словно по заказу, начал падать первый снег – редкие, крупные хлопья, ложившиеся на пожухлую траву. Лицо Татьяны было абсолютно спокойным и безразличным. Одна пешка выбыла из игры. Что ж, значит, пора брать в оборот другую. Ведомая глупышка Цветаева даже удобнее Анны будет.

Глава 6

Бойцовский клуб был прекрасным местом для того, чтобы выпустить пар. Я рвал и метал, пытаюсь совместить новую медитацию с активностью. Получалось неплохо, но ещё было куда расти.

Закончив последний бой на сегодня, я подошёл к регистратору за своими деньгами.

– А, вот и наш огненный демон, – проворчал он с лёгкой улыбкой. В тоне даже чувствовалось некое одобрение.

Регистратор потянулся к сейфу под стойкой, повернул ключ и достал солидную пачку денег, чтобы отсчитать положенную мне долю. Много времени это не заняло. Его место не было доступно для обзора из зала. Да и делал он это под столом, положив на него лишь нужную сумму.

Выходит, что они держат сейф с наличностью так открыто? Не боятся ничего? Или есть какая-то охранная система? Но мне без разницы, я их грабить не собирался, как и искать огрехи в защите. Не думаю, что здесь работают тупые люди.

– Держи. Сегодня отработал на славу. Так и надо, давно бы так. Людям нравится, когда зрелищно. Жжёшь – не жалеешь.

Я молча взял свой заработок и сунул в карман брюк, не пересчитывая. Мне было всё равно, сколько там. Да и подвоха от устроителей боев не ожидал – если бы здесь так глупо дурили бойцов, то быстро бы все разбежались. Можно найти

варианты повыгоднее.

– И ещё кое-что, – регистратор убрал всю весёлость с лица и изменил тембр, чтобы сделать свои слова более значительными. – С тобой поговорить хочет один серьёзный человек. Очень серьёзный. Не последнее место занимает в нашей организации. Тебя к нему проводят для беседы.

Я посмотрел на мужика, сделавшего один шаг ко мне. Один из тех охранников, что всегда находились рядом с регистратором.

– Неинтересно, – сказал я просто и развернулся к выходу. – Эй, стой! – в голосе регистратора послышалось раздражение, а мне в спину прилетели волны тепла его гнева. – Ты хоть понимаешь, кому отказываешь? Таких людей обижать нельзя! Они тебе всю жизнь устроить могут! Или сломать! Ты ещё сопляк, жизни не нюхал, а уже нос воротишь!

Его слова летели мне в спину, но я даже не прибавил шагу. Они разбивались о моё безразличие. «Серьёзные люди»? Трижды ха! Я не менее серьёзный человек, просто никому здесь этим в нос не тычу.

Интересно, узнай он, кто я на самом деле, как бы изменился в лице?

В любом случае, я бойцовский клуб посещал не из-за прибыли, а ради тренировок. Высшая профессиональная лига мне совершенно неинтересна, там совсем иной уровень. И можно нарваться на действительно «серьёзных» личностей. Мне пока не до этого. Может, потом...

Но потом будет практика в Разломе – вот там уж действительно серьёзные люди и не менее серьёзные деньги крутятся. По завершению второго курса, после официального подтверждения второй звезды неопита, можно отправиться в это место. О котором фактически не просачивается никакой информации. Прежний Алексей совершенно ничего не знал о нём, как и мои друзья. Даже Юсупова.

Потому это та точка, что мне действительно интересна. А не лиги каких-то бойцов-магов.

* * *

Мы с Ксюшей сидели в кафе после пар. Прошло уже две недели после «первого» свидания. А я что-то слышал о таком сроке, по крайней мере. Ну что, уже можно того самого...

Чёрт, у меня ведь никогда не было девушки! А конкретно эта, что сидит напротив, уже столько времени липнет ко мне! Всю облапал, и целовались не раз. Я ведь не железный! Сколько можно тянуть?

– Ты ведь знаешь, что мы с Васей в городе снимаем квартиру? – внезапно спросил я и замер.

– Конечно, – улыбнулась она. – У вас какие-то дела тёмные в городе, вы там раз в несколько дней ночуете.

– Не хочешь сходить туда? Посмотреть?

Сначала она удивилась, а потом обрадовалась и закивала

головой.

– Конечно, хочу!

– Тогда пошли, – сказал я и положил в меню купюру.

Мы поднялись со своих мест и покинули кафе.

Меня охватило волнение, даже не знал, о чём говорить по дороге. Хотя, мы особо и не общались. Просто она болтала обычно о чём-то, что я благополучно пропускал мимо ушей. Значит, всё нормально. Так ведь?

Наконец, мы пришли. Я открыл дверь и пропустил девушку вперёд. Внимательно следил за её настроением – вроде бы, довольная. Или не подозревает просто?

Повернув ключ, я щёлкнул выключателем. Маленькая прихожая, пустая. Я помог Ксюше снять пальто, затем так же разделся. Девушка показала на дверь в совмещённый санузел и повернулась ко мне:

– Можно?

– Конечно, осматривайся.

Два раза в месяц сюда приходила уборщица – об этой услуге мы заранее сообщили арендодателю. Деньги просто оставляли на входе. Мы редко появлялись здесь, потому бардаку неоткуда было появиться – практически пустая квартира, минимум вещей. Что я, что Вася – оба прожили обычные жизни и приучены убирать за собой. Так что да, мне было не стыдно приводить кого-то сюда.

Думал, Ксюша хочет в туалет, но нет – она просто осмотрела санузел, потом мы вошли в основную комнату, которая

была скрыта за плотной занавеской.

Мягкий свет от торшера залил небольшое, аскетичное пространство: кровать в нише, пара кресел, оба раскладные, мини-кухня, единственный стол. Сервант-стенка, современный, с большим телевизором, который ни разу за всё время не включался. Пахло здесь чужим, просто вещами. Но, в основном, деревом – из-за новой мебели.

– Уютно, – прокомментировала она, и в её голосе зазвучала игривая нотка. – Наверное, ты уже пол-академии сюда приводил, да, барон Стужев? Тайное логово для романтических свиданий?

Я фыркнул и отвернулся от смущения. Всё же, она, наверное, понимает, зачем мы здесь.

– Ты первая.

Ксения замерла на полпути к зашторенному окну и обернулась. Её глаза расширились от искреннего удивления, смешанного с нескрываемой радостью.

– Правда?

– А зачем мне врать? – я пожал плечами. – С Василием мы снимаем её чисто для своих дел. Ведь ночью территория академии закрывается, выйти нельзя. Не до свиданий было, ты же знаешь меня. Весь в учёбе и тренировках.

Цветаева продолжила осмотр, уже с другим выражением лица – более серьёзным, оценивающим. Она провела пальцем по столу, присела на кресло, поднялась и завершила небольшой круг по помещению. Я всё ещё стоял возле што-

ры в прихожую.

– Да, видно, что женской руки тут не было, – заключила она с лёгкой усмешкой. – Ни цветочка, ни глупой, но милой статуэтки. Один сплошной мужской минимализм.

– Так поливать цветы некому, – пожал я плечами. – Они бы засохли.

Она подошла ко мне вплотную, запрокинула голову и посмотрела снизу вверх своими большими, чуть наивными глазами.

– Знаешь, мне с тобой так хорошо, Алексей, – прошептала она.

И прежде чем я что-то успел сказать, она приподнялась на цыпочках и поцеловала меня. Её поцелуй был мягким, настойчивым, пахнущим карамелью от выпитого ранее латте. Руки потянулись к её талии.

Но у меня в голове что-то щёлкнуло. Я мягко отстранился, глядя ей в глаза и положив ладони на плечи.

– Ксюша, стой. Ты... Ты ведь правильно понимаешь ситуацию? – мой голос дрожал от волнения. – Я... не планирую ничего серьёзного. Женитьбу, всё это. То, что между нами есть... Это вряд ли вырастет во что-то большее. Я не хочу... обманывать, давать надежды.

Она, на удивление, нисколько не расстроилась. Напротив, на её губах играла та же уверенная, немного хитрая улыбка.

– Я понимаю, – кивнула девушка. – Но ведь никто не запрещает этому «вряд ли» всё-таки случиться, правда? Если

я докажу, что я... достаточно хороша для барона Алексея Стужева.

В её голосе не было обиды или подобострастия. Была заигрывающая уверенность, вызов. Она смотрела на меня с такой непоколебимой верой в собственные силы, что у меня не осталось аргументов. Я пытался быть честным, не давать пустых надежд, а она эти надежды брала сама, словно говоря: «Твоё дело предупредить, а моё – тебя переубедить».

Я покачал головой, но уже чувствовал, как улыбка пробиивается сквозь моё показное равнодушие.

– Безнадёжное дело, – пробормотал я.

– Посмотрим, – только и сказала она, снова притягивая меня к себе.

На этот раз я не сопротивлялся. Её губы снова встретились с моими, а поцелуй был глубже, страстнее. Мы медленно отступили к кровати в нише и опустились на неё.

* * *

Интерлюдия

Дверь в комнату в общежитии раскрылась. Глеб тут же отошёл, пропуская внутрь Огнева, своего соседа. У того было хорошее настроение, он улыбался.

Войдя, Михаил тут же уселся на стул и зевнул. Его сосед закрыл дверь и положил одну из двух сумок на чужую кровать, после чего сел на свою.

– Что, Неба, тему понял? – скучающим тоном сказал он, зевая. – Напомнишь потом домашку списать.

Огнев достал из кармана пиджака телефон, чтобы уткнуться в него. Но вместе с устройством выскочил простой белый конверт и упал на пол. Михаил нахмурился, смотря на него.

– Что это ещё? – пробормотал он.

Огнев наклонился и поднял его. Конверт оказался не запечатан. Внутри лежал сложенный вчетверо листок. Михаил развернул его. Глаза пробежали по строчкам, и лицо его сначала побелело, а потом побагровело. Жилы на шее надулись.

– Нет... – вырвалось у него хриплым шёпотом. – Этого не может быть...

Он скомкал записку в трясущемся кулаке, сжал её так, что костяшки побелели, и с диким рёвом швырнул на пол. Затем, не говоря ни слова, щёлкнул пальцами – и скомканную бумагу охватило маленькое, яростное пламя.

Всё ещё продолжая сидеть на стуле, Михаил принялся топтать его ногами, в бессильной злости, словно пытаясь уничтожить саму информацию, которую прочёл.

– Миш! Ты чего? Что там было? – Глеб вскочил с кровати, его глаза округлились от беспокойства.

– Заглохни! – прошипел Михаил, оборачиваясь к нему. Его взгляд был безумным. – Ты ничего не видел! Понял? Ни-че-го!

– Да я... я ничего и не видел! – Глеб поднял руки в защит-

ном жесте, его голос стал заискивающим, мягким. – Просто конверт какой-то упал... Может, это ошибка? Может, не тебе?

– Ошибка? – Михаил недобро засмеялся. – Там всё написано! Всё! Как он мог узнать? Кто ему сказал?!

Он вскочил со стула и, схватившись за голову, начал метаться по комнате.

– Нет, он ничего не знает! Не может знать! Ему нечего предъявить! Это блеф!

Огнев был на грани истерики, его ярость была слепой и беспомощной. Глеб наблюдал за ним несколько секунд, а потом его лицо приняло понимающее и сочувственное выражение. Он тихо подошёл к своему шкафчику, открыл его и достал оттуда маленький саше-пакетик, белый, без каких-либо опознавательных знаков.

– Миш, слушай, – заговорил он тихо, успокаивающе, как говорят с пугливым животным. – Тебе нужно успокоиться, обдумать ситуацию.

Огнев остановился и уставился на пакетик. В его глазах читалась борьба – остатки гордости и всепоглощающая потребность заглушить панику. Последнее пересилило.

– Дай сюда! – он выхватил пакетик из рук Глеба, грубо разорвал его и, зажав одну ноздрю, с жадностью втянул в себя невесомый порошок.

Он закашлялся, сделал несколько глубоких вдохов, а потом его тело обмякло. Парень отшатнулся и повалился на

свою кровать, уставившись в потолок. Напряжение стало медленно уходить, сменяясь тяжёлой, апатичной расслабленностью.

Михаил повернулся на бок, глаза закрылись, а дыхание стало тише. Он не видел, как Глеб, стоя над ним, сверлил своего соседа полным ненависти взглядом. В уголках губ заплясала едва заметная, торжествующая усмешка.

– Спи, козлина тупорылая, спи, – прошептал он. – Когда уже запомнишь, что я Небесный, тварь? Задрал со своим «Нёба»!

Он напрягся, сжал кулаки и задрожал от рвущегося наружу гнева, но сдержал его. Спустя пару десятков секунд парень сделал глубокий вдох-выдох и уселся на стул за своим столом. Он собирался сделать уроки в блаженной тишине и спокойствии.

Разумеется, Глеб Небесный прекрасно знал, что было в письме. Ведь он сам его и подбросил в карман «друга», выполняя указание Светланы Водяновой.

– Недолго осталось, – прошептал он, открывая тетрадь. – Ещё чуть-чуть, и всё это закончится.

Небесному только и оставалось, что утешать себя, да терпеть пренебрежительное отношение Огнева. Он прекрасно знал, что тот давно и глубоко подсел на стимуляторы и даже не подозревает, что там есть ещё кое-что. Так что пока пусть спит без задних ног и ничего не слышит. Но вот когда проснётся – будет полон сил. И этот ад продолжится.

* * *

Интерлюдия

Приглушённый гул толпы остался где-то внизу, не достигая уединённой вип-ложи. Здесь царила тихая, дорогая прохлада. Полулёжа в глубоком кресле из тёмной кожи, Максимилиан Водянов смотрел, не отрываясь, на огромный экран, вмонтированный в стену.

Там в замедленном повторе танцевала пара бойцов. Один – крупный, тяжеловесный – шёл вперёд, словно бульдозер. Другой – тот, что интересовал Максимилиана, – двигался с обманчивой лёгкостью, уворачиваясь, провоцируя, и его удары, редкие и точные, всегда находили слабое место в обороне противника. Вспышка огня, резкое движение – и тяжеловес падал на пол. Это было эффектно и зрелищно. Толпа гудела, полная восторга.

Максимилиан пригубил рубиновое вино из хрустального бокала, его взгляд был холодным и аналитическим. Он мысленно отмечал детали: работу ног, расчёт, сдержанную ярость. Демон прекрасно понимал, что делает и зачем. Он играл со своим противником, поливая его пламенем, работая на публику.

Тихий щелчок открывающейся двери нарушил концентрацию. В ложу вошёл мужчина в безупречно сидящем тёмном костюме, с квадратной челюстью и пустым взглядом

профессионального охранника.

– Господин Водянов, – голос его был низким и подобострастным. – Демон отказался. Снова. Передал, что не намерен тратить время на «светские беседы».

Охранник сделал паузу, ожидая реакции. Не получив её, он добавил, и в его тоне зазвучали металлические нотки:

– В следующий раз можно будет не спрашивать. Просто притащим этого наглеца за шиворот. Поучим уважению.

Максимилиан медленно повернул голову. Его серые глаза уставились на охранника не гневно, а с лёгким, почти скучающим недоумением.

– Ваня, – произнёс Водянов тихо, но так, что каждый звук приобрёл свинцовую тяжесть. – На какой должности ты числишься? Глава службы безопасности клуба. Верно?

– Да, господин, – испуганно ответил тот. – Но...

– А я? – Максимилиан поднял бровь, перебив его.

– Вы... вы начальник регионального распределения бойцов, господин Водянов.

– Именно. Я – принимаю решения. Ты – обеспечиваешь их исполнение. Предлагать варианты исполнения – не в твоей компетенции. Тем более столь... топорные. Ясно?

Его голос не повысился ни на децибел, но Ваня побледнел и вытянулся в струнку.

– Совершенно ясно, господин. Прошу прощения.

– Выйди.

Охранник исчез так же бесшумно, как и появился. Мак-

симилиан снова обратился к экрану, к замершему кадру, где его новый «проект» стоял над поверженным противником с лицом, скрытым маской. Нарисованная демоническая улыбка прекрасно сочеталась с азартом в голубых глазах, которые будто смеялись над миром.

– Притащить за шиворот, – тихо усмехнулся Водянов. – Грубо. Глупо. Неэффективно.

Его мозг, вышколенный годами управления людьми и капиталами, уже выстраивал логическую цепочку.

Индивидуалист. Отказ от встречи с человеком его статуса и влияния – не наглость. Это ярчайший маркер сильной, независимой личности. Такой человек не терпит принуждения. Излишнее давление вызовет лишь агрессию и полный разрыв контакта.

Мотивация. Что движет им? Не деньги – иначе бы уже продался. Не слава – он работает в подполье, не рвётся наверх. Значит, нечто иное. Внутренний драйв. Жажда самореализации. Возможно, личная месть миру. Сам говорил о тренировках. Но для чего они? Нужно найти этот рычаг.

Подход. Давить нельзя. Нужно предложить то, что он не сможет отвергнуть. Но предложить так, чтобы это выглядело его выбором. Дать ему почувствовать себя хозяином положения. Тогда он будет уверен в том, что ничем не рискует от сотрудничества, а наоборот, сам в прибыли, когда оппонент в минусе. И это чувство будет его пьянить. Он не заметит, как перейдёт черту не возврата.

Ключик. Он где-то здесь. В его манере боя. В этой сдержанной ярости. В этой потребности доказывать своё превосходство. Нужно изучить его вдоль и поперёк. Найти слабость. Не физическую – психологическую. У каждого она есть.

Максимилиан снова поднёс бокал к губам, на его лице играла лёгкая, почти незаметная улыбка. Это была не улыбка радости, а ухмылка шахматиста, который только что увидел гениальный ход на десять шагов вперёд.

– Уж я-то найду к тебе ключик, мой маленький Демон, – пробормотал он. – Сначала ты будешь драться для себя. Потом – для меня. И даже не заметишь, как это произойдёт.

Он нажал кнопку на пульте, и запись пошла заново.

Глава 7

Мы с ребятами шли к общежитию после вечерней тренировки. Воздух был прохладен, а щёки щипал лёгкий морозец. Всё вокруг укрыто тонким слоем снега, а с неба падали редкие снежинки. Они красиво мелькали в свете уличных фонарей.

Я размышлял о прошедшей тренировке с лёгкой улыбкой. Если не расплыться энергией, то личного гнева могло хватить на несложные атаки. Мой скилл прокачался весьма недурно за последние дни. Теперь я уже не чувствовал себя обезоруженным перед противником. Главное, начать, а так кто угодно разозлится, если «лёгкая жертва» будет успешно контратаковать, ещё и сыпя едкими шуточками. Все мои страхи о том, что придётся сначала получать по лицу перед каждой битвой, оказались пустыми.

– Сегодня хорошо поработали, – голос Ксении оторвал меня от размышлений. Она украдкой поглядывала на меня, будто что-то задумала. – Но мы уже начали привыкать друг к другу. Это... немного разочаровывающе. Нам бы новых соперников.

– Для этого занятия есть, – парировал я.

– Так неинтересно, – она изобразила на лице недовольство. – Сам знаешь, в нашем потоке одни слабаки. Мы – сильнейшие.

Тут сложно было спорить, так что я лишь хмыкнул. Ясно, решила предложить идею, но не уверена, что она хорошая. Забавно, что за этим ледяным образом высокомерной графини скрывается довольно наивная и нерешительная девушка. Конечно, в бою она зверь, но когда речь доходит до импровизации, так начинаются небольшие «проблемы». Чувствуется, что она сидела в золотой клетке. Увы, она лишь хороший исполнитель, но не стратег.

– Рассказывай, что там у тебя, не томи, – улыбался я, так как пауза затянулась. Говорю ж – нерешительная она в некоторых моментах.

– Вот бы нам потренироваться со вторым курсом! Или, вообще... с третьим! Со слабаками какими-нибудь. В своей группе они, может, в конце рейтинга, но для нас в самый раз.

– Марии это неинтересно, – отмахнулся я от очевидной кандидатуры второкурсницы.

– Да, знаю, – задумчиво протянула Земская. – Твоя сестра, хоть и сильная, могла бы сдерживаться для нас. Но, увы.

Ксения вздохнула грустно, и мы прошли ещё какое-то время в молчании. Вася вообще не спешил озвучивать свои мысли по теме, да и что он мог сказать?

– У Тани есть брат со старшего курса, – внезапно сказала она, и я тут же напрягся, – жаль только, что характер подкачал. А так он сильный, лучший на своём потоке. Мог бы нас чему-то новому научить. Но, увы.

Она произнесла это максимально нейтрально, с лёгким

оттенком сожаления, как о досадной помехе. Так что я сделал глубокий вдох, чтобы избавиться от раздражительности, ведь в её словах был смысл.

– Научить? – хмыкнул я. – Он не тот человек, который будет что-то делать просто так. За всем будет стоять двойное дно, основанное на его шкурных интересах. Всё, хватит о нём, а то я подумала, что ты им восхищаешься.

– Я не восхищаюсь! – чуть вспыхнула Ксения, но тут же взяла себя в руки. – Просто... констатирую факт. Интересно же, почему человек, который может быть сильным, выбирает быть... таким.

– Он не особо-то и «выбирает», – возразил я резким и категоричным тоном. – Он такой и есть. Это у него в крови. Всё его благородство – лишь маска. Под ней – обыкновенная самовлюблённая мразь, которая ломает людей просто потому, что так развлекается. И если ты думаешь, что под этой ширмой может скрываться что-то ещё, то глубоко ошибаешься. Ты его просто не знаешь.

Ксения на мгновение растерялась.

– Ты мне тоже при первой встрече показался глупым и высокомерным, но стоило узнать поближе....

– Нечего там узнавать, – перебил я её. – Я знаю его дольше тебя. И поверь, там нет ничего хорошего, даже намёка. Он мразь до мозга костей.

– Ты говоришь так категорично... – пробормотала она. – Но Таня вот нормальная, хоть и тоже Рожинова. Или, ска-

жешь, что в семье не без урода?

– Нет, не скажу, – ответил я. Ксения удивлённо посмотрела на меня. – Потому что это у них семейное. Ты поаккуратнее с Татьяной, она тоже себе на уме. Пока мы друг другу полезны, всё нормально. Но как вылезет выгода – предаст, не моргнув.

– Но... Как ты можешь так говорить вообще?! – возмутилась она и сбавила шаг, уставив на меня немигающий взгляд. Но я не стал останавливаться, так что она тут же догнала нас с Васей. – Таня ведь наша подруга! Она столько раз тебе помогала!

– Потому что я нужен ей, как пешка в её играх. Думаешь, та дуэль с Огневым случайность? Ну-ну, держи карман шире. Я знаю, что вы теперь живёте вместе. Зря ты поспешила, конечно, не спросив меня, но да ладно. Не обязана ведь отчитываться, мы не родственники, не пара, – хмыкнул я. – Но будь осторожна, как бы она и тебя не втянула в свои игры. Я вот настороже, а то эта возня за ректорское кресло мне ни разу не впёрлась.

– При чём тут вообще это, – тихо пробормотала она, нахмурившись.

– При всём. Меня уже неоднократно пытались втянуть в эти разборки. Спровоцировать и подставить Михаила. Не удивлюсь, что его увлечение синей пылью не с пустого места взялось.

– Что? А ты откуда знаешь, что он употребляет? Он же

граф! Зачем ему этот контрафакт? – возмутилась она.

Да уж, такая большая и такая наивная.

– Я его застукал. Полагаю, не случайно. И препод фехтования Майский тоже как-то замешан в этом.

Ксения замолчала, задумавшись. Я же отметил, что изначально её идея неплоха, но упирается в сложно преодолимые барьеры. Конечно, какие-то связи у нас с другими курсами есть, но официально подобные бои запрещены. Хоть как-то можно пробиться на арену под видом дуэли, но это совсем иной формат, непрактичный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.